

*Протоиерей
Михаил
ОВЧИННИКОВ*

**МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ
и
СМЕРТЬЮ**

Свидетельства с порога вечности

**Паломник
московский**
2006 по РХ.

*По благословению
митрополита Симферопольского и Крымского
Лазаря*

**Протоиерей Михаил ОВЧИННИКОВ
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ
Свидетельства с порога вечности**

Четыре года назад в издательско-информационном центре «Слово» в Днепропетровске вышла в свет удивительная брошюра — со скромным названием «Жизнь и смерть». Но то, что было изложено на ее страницах, поражало: священник, наш современник, протоиерей Михаил Овчинников, попавший в жестокую автокатастрофу, не оставлявшую ему никаких шансов на жизнь, выжил вопреки прогнозам врачей. Пережив в это тяжелейшее время несколько клинических смертей, пройдя через нестерпимые муки, чудом Божиим возвращенный из небытия, отец Михаил нашел в себе силы написать обо всем происшедшем с ним, детально проанализировать свои ощущения на грани между жизнью и смертью.

Горячий отклик вызвал в сердцах людей этот необычный рассказ. Нынешнее издание, впервые представляемое российскому читателю, дополнено новыми важными подробностями, размышлениями. Это впечатляющий рассказ о внутренней силе духа человека, о любви к Богу и людям. Книга укрепляет читателей в вере в милость Божию, заставляет задуматься о смысле жизни и о своем бесконечном пути в Царство Небесное.

Те, кто возьмет в руки эту книгу, прикоснутся к великой тайне, обычно скрытой от нас. Из истории Православия известно немало подобных случаев. Но эта книга уникальна тем, что отец Михаил, лично переживший умирание и возвращение к жизни, свидетельствует о своем посмертном опыте не только как пациент, но и как пастырь.

ISBN 58060-062-9

© Прот. М. Овчинников, текст, 2005
© Паломник, 2006

«ПОМНИ ДО КОНЦА ДНЕЙ СВОИХ...»

Вам, у кого в руках эта книга, предстоит необычная встреча, соприкосновение с тем, что реально откроется нам, когда удостоит Господь каждого из нас переступить порог вечности.

В описываемых отцом Михаилом Овчинниковым событиях вы увидите спасительный для нас Промысл Божий.

Поистине промыслительны встречи автора, побывавшего на грани жизни и смерти в мире горнем, с его духовником протоиереем Константином Огиенко и матерью, уже ушедшими из земной жизни. Промыслительны и слова духовника, звучащие как завет из мира иного: «...*помни до конца дней своих все, что видел здесь, и расскажи людям*». Знаменателен твердый ответ мамы на желание батюшки остаться там, вместе с нею: «*Благословения Господня на это нет, возвращайся назад, крепись, трудись, тебе там сейчас будет трудно...*».

Промыслительно возвращение смертельно раненного священника Михаила — по великой милости Божией — к земной жизни. Для его спасения. Для назидания и спасения всех нас.

Промыслительны и наши встречи с автором этой книги. О важности их можно судить даже по небольшим штрихам...

Помню, как много лет назад, когда в городе Старый Крым накануне престольного праздника св. великомуче-

ника Пантелеймона царила суeta последних приготовлений к духовному торжеству, во двор храма въехала машина с незнакомым батюшкой — он привез большую икону целителя Пантелеймона. Это был отец Михаил, который, узнав о чудотворном источнике в честь этого угодника Божьего в нашем городе и о том, что у нас нет большой иконы святого, решил сделать щедрый подарок. Икона св. великомученика Пантелеймона — почти в человеческий рост — была написана специально к празднику в городе Верхнеднепровске приходским иконописцем Александром Коротковым (нынче он уже сам священник).

— Так что принимайте дар! — от всей души улыбнулся отец Михаил.

Многих тогда тронули его простота, искренность и радость, идущие из глубины сердца и сквозившие во всем: во взгляде, в улыбке, в голосе.

Наш прихожане полюбили новую икону св. великомученика Пантелеймона, и она стала одной из главных святынь Свято-Успенского храма города Старый Крым.

Практически каждый год, несмотря на занятость при несении послушания настоятеля храма, благочинного округа, — батюшка с верной спутницей матушкой Людмилой разделяли с нами молитвенную радость праздника. Отец Михаил постоянно бывал вместе с нами и в Свято-Параскевиевском монастыре.

В тревожный 1999 год батюшка был, как обычно, вместе с нами на празднике св. Пантелеймона. Вскоре после его отъезда домой, как гром, раздался телефонный звонок:

— Батюшка в реанимации в тяжелейшем состоянии.
Молитесь!

Пораженный, не понимая, что спрашиваю, говорю:

— Какие у него переломы?

— Вы лучше спросите, что цело, — отвечает матушка со слезами и повторяет просьбу — усиленно молиться о батюшке.

Господь дарует Свою великую милость. По молитвам близких людей отца Михаила и его духовных чад Он делает невозможное, немыслимое для нашего понимания: возвращаст дорогоего многим священника к жизни.

Вскоре после этого явного чуда протоиеря Михаила привозят в Топловскую Свято-Параскевиевскую обитель и в Старый Крым к святым источникам св. преподобномученицы Параскевы, св. великомученика и целителя Пантелейсона, св. великомученика Георгия Победоносца, Трех Святителей.

С великим трудом передвигается батюшка в алтаре. У знающих отца Михаила и так любящих его прихожан возникает множество вопросов, особенно о пережитом на грани жизни и смерти. На все вопросы батюшка находил силы отвечать радушно, приветливо и радостно — как и всегда. Но вдруг кто-то из людей, сопереживающих его боли, взял неверную ноту, обронил легкомысленную фразу:

— Батюшка, какой вы счастливый, что такое видели!

Лицо отца Михаила изменилось от боли тяжких воспоминаний, и он ответил:

— Вы не представляете, что говорите, через какие страдания и боль все это пришлось увидеть!

Прошло еще некоторое время, и Господь промыслительно привел отца Михаила в Топловский Свято-Параскевиевский монастырь уже для постоянного служения в нем — в обители этой происходило восстановление его к жизни.

Здесь была написана книга «Жизнь и смерть». Благословляя ее издание, епископ Криворожский и Никопольский Ефрем написал: «По прочтении сего благочестивого повествования возблагодарил Бога Вседержителя за Его великую милость к роду человеческому — избранию священству, проявившуюся в открытии сокровенных тайн загробной жизни.

Данную книгу благословляю печатать для душеспасительного назидания священникам и мирянам, инокам и иночихам, и всем, чающим достигнуть Небесных Обителей!

На автора книги призываю Божие благословение с новыми духовными силами трудиться в винограднике Христовом, спасая души человеческие!»

Мне хочется искренне и сердечно поблагодарить отца Михаила за нелегкий труд, который он предпринял, создав эту книгу. Ведь написать все это — значит пережить все еще раз заново.

Пусть тот духовный опыт, который дарован ему и который стал достоянием всех нас, принесет еще многим, прикоснувшимся к этой книге, несомненную пользу для спасения душ.

Когда размышляешь над всем пережитым, из души и сердца невольно рвутся слова: Слава Тебе, Боже наш, за веру православную и за Промысел преблагий Твой, слава Тебе! Аминь.

*Протоиерей Владимир КАРПЕЦ,
благочинный церквей Севастопольского округа
Республики Крым.*

«ЭТА БОЛЕЗНЬ... КО СЛАВЕ БОЖИЕЙ...»

**Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь
не к смерти, но ко славе Божией...**

Ин. 11, 4

**Истинная смерть не та, которая
разлучает душу от тела,
но та, которая удаляет душу от Бога.**

**Святитель
Кирилл Александрийский**

Глубокоуважаемые христиане, всечестные братья и сестры, ищущие люди, еще только начинающие свой путь к Богу, помолившись, приступите к прочтению этой скромной книги. В ней я записал все, что происходило со мной лично в тяжелейшие минуты моей жизни. Не блестящая красноречием, не затрудняя вас длинными философскими мудрованиями, хочу изложить непостижимые человеческой мудростью события, с христианской точки зрения проанализировать мое возвращение из небытия.

Скажу честно: работа эта была очень трудна для меня, грехиного ее автора.

Во-первых, я долгое время находился в крайне удручающем физическом состоянии – после тяжелейшей аварии 1999 года, которая должна была стать смертельной для меня; и только горячие молитвы наших прихожан, родных и безгранично мною любимых христиан, близких

мне людей, склонили ко мне, недостойному, милость Господа — и я чудом остался жив.

Во-вторых (и это, наверное, главное), — у меня были сомнения и опасения: а стоит ли писать о случившемся? Ведь не исключено, что моя проповедь могла бы стать искушением для некоторых — тех, кто заодно знал бы в описании необыкновенных событий гордыню или самолюбование человека, претендующего на незаурядность. Хотя у меня и в мыслях не было ничего подобного, я не пытался искать своей славы — знаю, как изощренно действует враг, искушая неокрепшие души.

И хотя я понимал, что в наше время, полное безверия и сомнений, новые факты чудотворений, исцелений и необычайных явлений могли бы тронуть окаменевшие людские сердца, укрепить во всех нас веру в недремлющий Промысл Божий, — по, скорее всего, книга эта так бы и не родилась, если бы не послушание людям, гораздо более опытным в духовном отношении, чем я сам. В тот скорбный и знаменательный 1999 год Господь сподобил меня, тогда едва живого, встретиться с Блаженнейшим Владимиром (Сабоданом), митрополитом Киевским и всея Украины. Я, немощный и грешный священник, рассказал ему свои опасения — открывая читателям то, что было показано мне, не угодить бы в сети прелести вражей. Услышал ответ Блаженнейшего Владимира: «*Батюшка, ведь это все было даровано не единолично Вам, а людям, ревнующим о жизни богоугодной*» — и понял, что бездействовать просто неразумно, и тогда решился передать, с помощью Господней, все, что сохранила моя память, без всякого приукрашивания, в полной истине.

Я осознавал, что во мне не могло быть ничего, заслуживающего милости Божией. Об этой ситуации, наверное, точнее не скажешь: «*...хотением не хощет Бог смерти грешника, но еже обратится ему*». Думаю, и читатель поймет это — во всех исключительно интересных,

чудесных явлениях, бывших со мною, нет ни тени моей заслуги. Это лишь безграничая милость Господа, совершающего чудеса с нами, людьми слабыми и грешными, чтобы явить всем Свою не осознанную многими Силу, способную убедить даже маловерных специалистов-медиков. Не обижайтесь на меня за эти слова. Будем помнить, что Господь способен **нарушить даже естества чин!**

Вполне логично предположить, что такое «нарушение естества» чина – это в какой-то степени и напоминание всем нам, напоминание о силе молитвы. Моя жизнь вымолена у Господа, она дарована мне благодаря неустанной молитвенної поддержке множества людей. Хочу выразить коленопреклоненную нижайшую благодарность – всем, без чьих святых молитв меня уже просто не было бы здесь, на земле...

Хочу поблагодарить всех, кто помог мне в подготовке издания первой моей книги «Жизнь и смерть», которая разошлась очень быстро. Я благодарен также множеству христиан, чьи сердца затронул этот скромный труд, которые так тепло встретили мои попытки передать свои свидетельства и переживания с порога вечности. Множество писем, личных бесед с людьми поддержали меня. Как полезно было мне получать эти письма, молиться об этих людях и размышлять над ответами. И по сей день продолжается переписка – и по материалам книги, и по многим духовным вопросам.

Все чаще я слышал просьбы о переиздании этой работы. Удалялись по времени события, к которым Господь Вседержитель сподобил прикоснуться мне, недостойному. Многое переосмыслил я в своей жизни. Начался более тщательный внутренний анализ: что же произошло, что Господь хотел показать этими необыкновенными событиями и мне, и людям? Постоянно стараюсь видеть свои несовершенство и греховность, из-за которых, отчасти, и обрушились на меня страшные испытания. Думая

дополнить свою работу, я снова, как и в первый раз, со смиренной молитвой старался понять — нужно ли это людям? Будут ли полезны труды немощного священника моим читателям?

Так случилось, что о первой брошюре стало известно в России, и с новой, уточненной и дополненной книгой впервые знакомятся российские читатели. Хочу представить читателям некоторые аспекты своего понимания происходящих с нами событий, хочу поведать, как месяц за месяцем, год за годом Господь наставлял меня, неразумного, усмирял мою гордыню, показывал Свою волю, как учился я понимать Его замысел, Его вразумления. Милостью Божией мне открывалось, что Промысел Господний присутствует во всей нашей жизни, в каждом событии и действии, независимо от того, нравится нам это или не очень.

По мере своих сил я стремился помочь людям в укреплении веры Христовой — ведь это самый главный смысл и содержание нашей земной жизни, готовящей всех нас к переходу в мир иной, ко встрече с Господом. Для нас с вами передал евангелист Лука слова Иисуса Христа: «...наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам» (Лк. 12, 31). Я не своей искал славы, а писал в честь и славу Господа и Бога нашего Иисуса Христа, для пользы ближних. В этой книге немало недостатков, но надеюсь, что оправданием послужит моя правдивость и искренность, а главное, христианская любовь и понимание читателя.

Первый вариант книги «Жизнь и смерть» был написан мною в Топловском Свято-Параскевиевском женском монастыре, куда близкие привезли меня, едва живого, вскоре после тех трудных событий. На этом святом месте, по милости Божией, я, живя молитвами, окунаясь в целительный источник святой Параскевы, буквально на глазах окружающих меня людей приходил в себя — на-

чинял двигаться, принимать участие в богослужениях, читал духовную литературу, писал наброски будущей книги. И вот опять в этом благодатном месте я принялся за продолжение работы...

Ко мне пришло ясное понимание, что святые монастырские места в урочище Топлы не случайно объединили разрозненные события и свели понимание отдельных проблем в единое целое.«

Помоги, Господи, в моих трудах, если Тебе это будет угодно, изложить все произшедшее со мною ясно и достойно! Святая преподобномученица Параскева, моли Бога о нас!

«КРЕСТ ТВОЙ ТЯЖЕЛ, НО НЕСТИ ЕГО НУЖНО...»

Найти себя

Перед тем как рассказать о драматичных событиях, хочется немного оглядеться во времени и поразмыслить о динамике духовной жизни во мне, в моей семье, в Верхнеднепровском районе, куда я прибыл около 10 лет назад, — потому что, на мой взгляд, многое из произошедшего со мною в чем-то связано с этим процессом.

Все эти годы пробуждается интерес духовно опустошенных людей к христианской вере, к Церкви. Если 10 лет назад на весь район было только 3 церкви в приспособленных помещениях (поскольку все старинные храмы были «старателю» уничтожены), то сегодня в новом Верхнеднепровском благочинии уже 20 церковных приходов, 10 священников. В районном центре зародилась мужская обитель священномученика Владимира, строится новый Верхнеднепровский Свято-Успенский собор, воссоздаваемый на месте взорванного в годы лихолетья. Создана казачья сотня Войска Запо-

рожского Низового, хочется вырастить из них истинных воинов Христовых. Убежден, что первые результаты явлены не ради моих трудов, а по милости Божией. Какое счастье видеть и ощущать это!..

Мог ли такой широкий процесс медленного, но неуклонного ухода людей от врага рода человеческого пройти для него незаметно? Конечно же, темные силы принимают все меры, возможные и невозможные, чтобы не выпустить всех нас из-под своей власти.

В последние годы я реально ощутил, как в нашем районе начали действовать группы людей, озлобленных на православную веру, на Церковь. Ясно — и откуда все это, и почему... Диапазон сектантских группировок немыслим, проповедники западных «шоу-религий» повсюду. А по всем клубам, кинотеатрам — толпы чародеев, прорицателей, колдунов, экстрасенсов и прочих «целителей силой бесовской». «Националистический» церковный раскол — «филаретовщина»...

Во время работы над рукописью я обратился к моей неопубликованной книге **«Найти себя — из жизни начинающего священника»**, которая родилась по благословению московского священника Глеба Каляды на основе моих дневниковых записей. Решил познакомить вас, дорогие читатели, с некоторыми наиболее характерными фрагментами из них — это важно для понимания промыслительных событий последних лет...

Что привело меня в храм Господень?

Июль 1989 года

Зайдя теплым летним утром со своей юной дочкой Марией в Днепропетровский Свято-Троицкий собор, я остался там душой своею и по нынешний день.

Момент этот — один из важнейших в жизни моей, важен и для меня, и для людей, стоящих, как и я тогда, на сложной нравственной развилке. Что привело меня в храм Господень? Меня, человека, доселе ни разу не посетившего церковь. Этот вопрос и поныне я слышу от людей. Вера? Откуда она могла взяться у меня, не слышавшего слова Божия ни в семье, ни в школе, ни в институте?

Было тонкое, необъяснимое чувство неудовлетворенности, ускользающего куда-то из рук счастья. Были определенные вехи в жизни: музыка, институт, аспирантура, живопись, но чего-то не хватало для ощущения этого неуловимого счастья. Конечно, было и любопытство: а что же там, в церкви, за этой неизведанной чертой?

И вот мы с дочкой, робко прижавшись друг к другу, стоим в полумраке Троицкого собора. Все фантастически иррационально, мерцают лампады, потрескивают свечи, льются песнопения откуда-то сверху — и лики икон, из глубины веков взирающие на тебя. «... Яже есть церковь Бога жива, столп и утверждение истины» (Тим. 3, 15).

Голос Божией истины я тогда, скорее всего, не ощущал, но до сих пор звучит в ушах голос отца Анатолия:

— Благословение Господне на вас, того благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков...

Все непонятно и даже страшновато — ведь это иной для нас мир. Но невыразимо ощущение — счастья — такого, которого не встречал доселе нигде и никогда.

После этого стал посещать церковь, читать всю попадающуюся на глаза духовную литературу (как ее мало было тогда), «досаждать» священникам своими расспросами. Сейчас понимаю, какие они были несуразные, од-

нако все мне было неясно — ведь целый неведомый мир начал открываться мне. Сколько терпения было у батюшки Василия, у ныне покойного отца Константина! Это я ощущал только сейчас, когда после Литургии, молебна, панихиды, нескольких крещений и т. д. приходится стоять с очередным неофитом и отвечать на вопросы совершенно дилетантские с точки зрения моего сегодняшнего понимания. Но оттолкнуть, отмахнуться не имеешь права — вспоминаешь себя, вчерашнего.

«Утверждение истины»

Ноябрь 1989 года

Ко дню Архистратига Михаила, моего Ангела Хранителя, — принял Крещение, узнав о празднике от священника в сам момент Таинства. Помог Архистратиг Божий сделать мне этот шаг...

Через некоторое время, по благословению настоятеля, в испарине от страха, читаю на клиросе 3-й час, подпеваю хору «Господи, помилуй», разбираю партитуру Херувимской (благо за плечами сольфеджио музыкальной школы, так нелюбимое когда-то)...

Наступила пора определяться в своем дальнейшем жизненном пути. Покойный ныне протоиерей Константин Огиенко, бывший тогда секретарем епархии, буквально сразил меня предложением рукополагаться в сан священника. Не скрою, были у меня тайные мысли, в которых я не признавался даже себе: мне хотелось быть священником. Но я гнал эти мысли, будучи абсолютно уверен, что стар я уже для такого шага, понимая, что к служению Богу человека нужно готовить с молодых лет... А тут — предстояло постараться вместить в ка-

кие-то месяцы то, что должно впитываться целыми годами, всей жизнью! И страшно, и радостно. Понимаю всю ответственность пастырского служения. Ведь как часто мы в порыве гордыни замахиваемся на роли вселенских спасителей, в то же время не будучи готовыми даже к спасению своей собственной души.

«К врагом любовь свою показывали...»

Конец октября 1990 года

Что вело меня к пониманию сути пастырства? Любовь таких людей, как наш владыка Варлаам, незадолго перед тем почивший, как святой праведный Иоанн Кронштадтский... Появляется желание тянуться к этим светилам, чтобы хоть немного, в меру своих ничтожных сил, помочь людям в борьбе с тяжким недугом — злобой, ненавистью, непониманием инакомыслия. Поразил меня и присутствующих удивительный случай на литии в 40-й день кончины архиепископа Варлаама: у его могилы на кусте зацвела замечательная красная роза — а ведь начались уже крепкие заморозки. Это чудесное явление, конечно, связано с силой духа этого исключительного человека, с силой его любви к людям. Той любви, о которой говорил нам Иоанн Богослов в своем соборном Послании: «...да веруем во имя Сына Его Иисуса Христа, и любим друг друга, яко же есть заповедь нам» (1 Ин. 3, 23).

Активизируются раскольники-филаретовцы. Смутные времена. «Любы Христовы обдергат нас», — сказал из глубины веков апостол Павел. И на каком бы языке мы ни говорили, важно не окунаться в водоворот мирских политических страстей и националисти-

ческого мракобесия. Апломб людей, объединяющихся по национальному признаку, — это отход от Бога. Что творим мы сейчас в своей гордыне, не задумываясь, что сооруженные нами языковые барьеры приведут к той же неоконченной Вавилонской башне?..

Посмотрел фильм о грустных событиях в Киеве при встрече Алексия II, Патриарха Московского и всея Руси. Отчетливо виден политический сценарий, но под прикрытием якобы веры. Какой же настоящий христианин способен допустить такую разнозданность вообще к человеку, и к Патриарху в частности, какой бы он ни был: Московский ли, Константинопольский, или еще чей?

Киевские монахи и верующий христианский люд являли кротость и разительно отличались от хулиганствующих молодчиков, действующих лишь для осуществления чьих-то политических амбиций.

Осознание силы молитвы

Январь 1991 года

К Рождеству Христову пришло поздравление из Почаевской Свято-Успенской Лавры, в котором было благословение на служение Богу. И вот, словно только и ожидая почаевского благословения, начинают разворачиваться события. Перед Новым годом по старому стилю владыка Глеб рукоположил меня в сан диакона в Новомосковском Свято-Успенском храме, старинном деревянном соборе непередаваемой красоты. А сделали его в восемнадцатом веке наши мастера — сделали без единого гвоздя...

Были серьезные испытания. 22 января 1991 года прямо средь бела дня меня убивали грабители у дверей

моей собственной квартиры: место глухое, помохи ждать неоткуда, я облит каким-то едким аэрозолем и теряю сознание от ударов монтировками. В затухающем сознании звучат слова молитвы к Богородице. Сейчас у меня полнейшая уверенность, что только усилиями нашей Заступницы Усердной я остался тогда на земле. Вот в таких экстремальных ситуациях приходит осознание той силы, которую таит в себе молитва наша и искренняя вера. Очень часто, общаясь с людьми, пораженными дурманом безверия и атеизма, вижу недоведение в глазах, когда заговариваешь о нашем молитвенном правиле.

— Ну ладно, — говорят они, — молитва молитвой, но нужно и самим что-то предпринимать.

Но этот случай, происшедший со мной, — наглядный пример того, как при полной невозможности самому изменить ситуацию явила непостижимую силу благодать Божия. Пример, показавший мне силу молитвы, увидела впоследствии моя душа, поднимающаяся на Небеса. *«И вся, елика аще воспросите в молитве вे-рующие, приимите»* (Мф. 21, 22).

Кроме того, воспринял я это событие как наказание за мои грехи — прошлые и настоящие, как испытание и вразумление в истинной вере.

Крепись, иерей Михаил!

17 марта 1991 года

Этот день я должен помнить до конца дней своих. Сегодня, в четвертую неделю Великого поста, в день преподобного Иоанна Лествичника, я был рукоположен епископом Глебом в сан иерея.

Какая сложная гамма чувств была в моей душе перед этим событием: и радость, и гордость (к сожалению), и вместе с тем страх и недоумение, которыми я поделился с владыкой:

— Ведь я не успел толком освоить диаконскую службу, а завтра — священник!

Владыка Глеб остался при своем мнении.

— Крепись, отче, — сказал он, — сейчас катастрофически не хватает священников. Ты сам видишь эти брошенные, пустующие храмы. На раскачку нет времени, Господь подает время, благоприятное для укрепления Церкви Православной. Что будет завтра в нашей не прогнозируемой стране — никто не знает. Не имеем мы права терять время...

Что можно было возразить ему? С его доводами трудно было не согласиться.

И вот незабываемая торжественная служба в Днепропетровском Свято-Троицком кафедральном соборе. Отец Константин ведет меня вокруг престола, а я не могу унять дрожь в ногах.

— Аксиос!.. — поет хор.

Склоняю колена перед владыкой, а в душе кипит невидимая брань. «*Что ты делаешь*, — кричит во мне какой-то голос, — *это же конец! Назад дороги уже нет*». «*Куда назад? В грязь греха мирского?* — слышу спокойный внутренний ответ. — *Не хочу назад, слава Богу за все!*» Властная рука владыки, пригибающая мою голову, проникновенные слова его молитвы... Поднявшись, вижу слезы в его глазах. Какая теплота разлилась в душе и тихая благодатная радость, доселе никогда мною не испытывавшая! Все мое естество ощущало великий смысл этого таинственного слова — «рукоположение». Крепло уверенное спокойствие: действи-

тельно, крест мой тяжел, но нести его нужно. Крепись, иерей Михаил!

Только с верой утихнут страсти

Март 1991 года

В тревожные дни работы Российского съезда Советов молюсь, чтобы Господь дал разум людям. Слишком реален призрак гражданской войны: партийные правители не хотят выпустить власть, а народ в крайней стадии раздражения — нищета, бесправие, скотские условия жизни. Каково же терпение наших многострадальных людей! Но все же христианского понимания того, что воздастся каждому по делам его, у большинства людей нет. Они хотят видеть результат — кару негодяев и разбойников — сейчас, немедленно. Усугубляет дело отсутствие доброты, прощения, снисхождения к инакомыслящим, взращенные за эти годы зависть, злоба — все это может превратить любую вспышку, конфликт в непредсказуемое побоище.

Сохрани нас, Боже, от этого ужаса и дай нам веру, ибо только с ней утихнут наши страхи, как сказал Господь: «...что тако страшны есте? како не имате веру...» (Мк. 4, 40).

30 апреля 1991 года

Получил долгожданное направление от владыки Глеба в город Верхнеднепровск со словами:

— Обстановка в приходе сложная, конфликтная. Поезжай, осмотрись, попробуй навести порядок. Если получится, останешься там...

Свято-Успенскую церковь я нашел в весьма убогом, прямо-таки нищем состоянии. Черной фанерой отгорожен алтарь, нет ни церковных книг, ни утвари, ни священнического облачения. Вокруг церкви ямы, кучи мусора, заросли бурьяна.

По самый страшный бурьян — в душах людских: великая смута в церковной общине, распри и клевета друг на друга, на бывшего священника. Основной смысл этого беспокойства у инициаторов конфликта, прежде всего, в желании занять свое «место под солнцем», то есть быть поближе к священнику, владеть ключами от кладовой и распоряжаться церковными ценностями. Все это видно невооруженным глазом.

Понял я, что утону в разборе всех этих дрязг, которые могут длиться месяцами, годами. Уяснив это, остановил все обсуждения бывших заслуг и ошибок кого бы то ни было, обрывал все «доброжелательные» напечтывания.

— Не хочу слышать о том, кто что сказал и сделал, — то и дело повторял я людям, — оценивать будет нас Господь по реальным делам нашим, по помощи нашей церкви.

Невообразимо трудно. Вот когда начинаешь понимать всю тяжесть креста, возложенного на твои немощные плечи.

Делать в основном приходится все самому: оклады для икон, чеканку на крест для иконостаса и т. д. Нанимать людей невозможно, так как средств в церковной кассе абсолютно нет, да и состояние общины, мягко говоря, далеко от идеала... Надеваешь спецовку, берешь в руки лопату, лом, начинаешь работать — кто-то подойдет полюбопытствовать, что это пон тут делает, но кто-то становится рядом, чтобы помочь. Только так можно

раскачать людей, а сидеть и ждать, когда они придут сами, можно до бесконечности.

Испытания только начинаются

12 августа 1991 года

Сегодня завершилось мое временное командировочное пребывание в Верхнеднепровске. Владыка Глеб подписал указ о назначении меня настоятелем Свято-Успенского храма. Испытания по милости Божией выдержаны и закончены, думал я тогда с радостью. Если бы я знал, что они только начинаются! Однако сейчас, зная обо всех трудностях, которые выпали мне в Верхнеднепровске, я бы ничего не изменил в выборе своей жизни...

Вижу малые, но уже конкретные результаты воскресной школы. Дети ведут к вере и своим родным, хотя многие всего несколько месяцев назад впервые перекрестились, выучили «Отче наш». Маленькая девочка привела в храм креститься свою бабушку, по просьбе детей некоторые родители венчались. За минуты такой радости можно претерпеть месяцы трудностей, испытаний и искушений.

Сколько часто в разговорах с людьми, далекими от веры, слышишь сетования на то, что наваливаются несчастья. Ответ же лежит прямо на поверхности: да это за холод наш, за нашу духовную грязь, за отсутствие веры изливается на нас предупреждение Божие: «...аще ли злое твориши, бойся...» (Рим. 13, 4).

Умиление вызывает лишь Его долготерпение и многощадливое к нам, грешным, отношение. Ведь если по большому счету, то вся грязь человеческая заслужи-

вает, наверное, такого же страшного взрыва, как при извержении вулкана.

Декабрь 1991 года

Счастлив наблюдать, как с каждой неделей становится все краше наш храм. Трогательно радуются этому мои родные прихожане, участвующие в его возрождении. В общине крепнут мир и покой. Убеждаюсь постоянно: чем больше люди занимаются созидательной работой, тем меньше остается у них времени, да и сил тоже, для склок, клеветы и прочей гадости.

Постоянно меняется лик нашей церковной общины, появляется много новых лиц, отрадно видеть молодежь, затихают те негативные процессы, с которыми столкнулся вначале. Конечно, бесследно все это не исчезло в такой краткий срок, — невозможно перевоспитать человека в считанные месяцы, если за плечами у него целая жизнь, изувеченная маловерием, злобой и нетерпимостью. Сколько безграничного терпения и любви нужно иметь священнику, чтобы бережно и постоянно лечить людские недуги, ведь это не случайные эпизоды, а недуги целой нации, в нескольких поколениях. Ощущаю, как мало у меня этого христианского терпения.

А тут наступает очередное беспокойство со строительством соседнего банка: напротив церкви прорыта громадная канава для теплотрассы, да так и брошена разрытой. Глина, грязь ужасная. Так печально было видеть пробирающихся к церкви молодых после очередного дождя: невесту несли на руках, чтобы не выпачкать ее в грязи. Дал себе слово сделать все, чтобы место перед храмом было лучшим в городе, как это было во все века.

Радуга над крестным ходом

Февраль 1992 года

Состоялся необычный для сегодняшнего дня молебен в колхозе «Победа»: освящали поля перед весенним севом. Была пресса, фотокорреспондент. Явление воистину историческое — впервые в наше время такое событие. Очень довольны были люди, атмосфера царила трогательная, радость была неподдельная. В местной газете был опубликован репортаж, снимок крестного хода по полям: торжественно несут иконы, хоругви, а в небе, прямо перед людьми, сияет радуга. Помните: «...радуга вокруг престола, видом подобно смарагду» (Откр. 4, 3).

Интоксикация атеизма

Март 1992 года

Идет Великий пост. В личной жизни произошло чудесное явление, о котором мечтали, молились. Мой отец находился в московской клинике, предстояла серьезная операция. И вдруг исследования показали не нужность операции — в организме все в норме. Благодарим Господа за то, что услышал наши молитвы. Вот только сам отец никак не может решиться принять Таинства Покаяния и Причастия. Какие-то злые силы держат в руках этого доброго человека, который всю свою сознательную жизнь старался жить по заповедям Божиим, при этом их совершенно не зная. Насыщение человека атеистическим воспитанием сохраняется очень долго, это, по-моему, сродни интоксикации, отравлению организма человека. Не чувствует отец, как трудно за него молиться, спящая его душа не ощущает

опасной пропасти безверия. Мои огорчения как христианина усугубляются невыполненным долгом пастыря: не могу убедить дорогого, любимого человека.

Май 1992 года

Прошла Пасха — мое первое самостоятельное служение в великий праздник. Служба начиналась очень тяжело, ощущалось какое-то яростное сопротивление всех черных сил: упал в приступе алтарник Леонид Попов, ныне покойный, с хором не ладилось, нервы на пределе. Сейчас понимаю — вера у нас была слабая!.. Но вот постепенно начал ощущать, как по всеобщим молитвам, по милости Божией, эта нечисть отступила. Пришло неповторимое ощущение благодати. И хор зажел уверенней, и силы откуда-то взялись — хотя 18 часов непрерывно на ногах. Без Божией помощи это невозможно выдержать, а с Богом все реально — с душевным подъемом, с радостью и улыбкой.

Стечение народа громадное, много молодежи, но хотя некоторые и были слегка во хмелю, не было бесчинств, хулиганства, драк — порядок был идеальный. Ощущимо меняется само отношение к Пасхе. Постепенно отступает от нас то страшное святотатство, которым мы «прославились» на весь мир.

Бушует беззаконие

Июнь 1992 года

Сказал апостол Павел: «У Христа нет уже ни иудея, ни язычника, ни раба, ни свободного, ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28) — вот основа жизни каждого христианина.

Слова эти Апостол адресовал и нашему поколению, при котором продолжает бушевать в Киеве беззаконие Денисенко (расстриженного митрополита Филарета). Ведь всем уже должно быть ясно, что только полностью неверующий человек способен привнести в Церковь Вселенскую такую мирскую смуту — пресса, ОМОН, в какой-то мере государственное давление и т. д. Если бы у этого человека была хоть искра христианского смиренния, он бы тихо, с покаянием ушел. Пишу эти строки — и не даст покоя мысль о том, что сейчас я не просто сужу, а беру на себя смелость осуждения. Как часто мы присваиваем себе эту роль судии — незаметно для себя... Тяжело и двусмысленно это состояние духовное. И вместе с тем, продолжая анализировать ситуацию, понимаю: очевидно, большая власть, как наркотик, — и грешный, слабый человек становится ее рабом.

Стараюсь в проповедях говорить людям о нашем единстве во Христе, об историческом единстве славянских народов, призываю поменьше обсуждать и осуждать действия митрополитов, епископов, а стараться думать о своей душе, о личной чистоте, ибо только этот путь ведет ко спасению: *«Не судите, да не судимы будете, имже бо судом судите, судят вам»* (Мф. 7, 1, 2).

Бессилие дел богоборческих *Октябрь 1992 года*

Вера людская с помощью Божией делает чудеса. С удивлением смотрит город на неожиданное для многих явление: неузнаваемой стала церковь, блестая на солнце своим куполом... Хороша она в любую погоду, в любое время года, особенно когда звон колокольный разносится по окрестностям. Говорят, слышно даже до со-

седних сел. Буди, церковный звон, спящие души людские, пора нам уже подниматься от затянувшегося сна нашего, похожего скорее на обморочное, бесчувственное состояние.

До какого кощунства может дойти человек, темной осенией ночью снимающий с колокольни два церковных колокола?.. Поиски милицейские ни к чему не привели. К счастью, ребята из фирмы «Благовест», узнав о нашем горе, в сжатые сроки отлили точные копии украденных. И в день чуда Архистратига Михаила они освящены и укреплены на колокольне. Какая же ярость вспыхнула, наверное, в душах посланцев сатанинских, когда увидели они свое бессилие в делах богоборческих! Молиться нужно о них, ибо *«...рече Исаия: ослепи очи их и окаменил есть сердца их, да не видят очима, ии разумеют сердцем, и обратятся, и исцелю их»* (Ин. 12, 39–40).

**«Упасть — дело человеческое,
а оставаться лежать — диавольское»**

Апрель 1993 года

Трудный это для меня год — год взлетов и падений, радости и отчаяния. Поддерживают слова о. Моисея (бывший иеромонах Филадельф Боголюбов): *«Упал — не лежи, встань иди! Упасть — дело человеческое, а оставаться лежать — диавольское»*.

Дети из воскресной школы и прихожане не прекращают посещать дом престарелых и три интерната для болящих детишек. Пусть учатся мои ученики сопереживать чужому горю, не проходить мимо беды человеческой. Хочется, чтобы евангельские притчи о помощи ближнему не оставались для них только словами. Что-

бы ясен им был ответ Иисуса Христа законнику на его вопрос: «*Кто есть ближний мой?*» — не тот священник или левит, что прошли мимо раненого человека, а сиамяин, «...соторвивший милость с ним» (Лк. 10, 37).

Занимаясь с детьми изучением Библии, стараюсь сделать их участниками событий: а как бы вы поступили на месте этого человека, прошу оценить какой-либо поступок с точки зрения заповедей Божиих. Чтобы по любому факту ребенок не просто скользнул взором, а пропустил бы его через свою душу, «примеряя» произошедшее к себе.

Октябрь 1993 года

Являет Господь свои чудеса, вроде бы и незаметные. В день празднования иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (а ведь скоро перед моими глазами появится храм с именем этой иконы в Топловском монастыре!) — нам, убогим и скорбящим, прибыла из Днепропетровска сумма средств для частичной оплаты архитектурного проекта нового храма.

9 ноября произошло чудесное избавление моей, покойной ныне, мамы от автокатастрофы. В момент этого происшествия я служил молебен, читал молитвы с одной болящей прихожанкой. Признаюсь сразу: перед тем было искушение отказаться от этой службы, поскольку я сильно устал. Но пересилил себя, и сейчас, по прошествии времени, просто уверен, что исход событий с мамой был бы совершенно иным, если бы не устоял я перед соблазном отказать страждущей по «уважительной причине».

И поныне таких чудес перед нашими глазами происходит великое множество, как и всегда: «*Слепии прозирают, и хромии ходят, прокаженные очищаются, и глухие слышат*».

сии слышат, мертвии восстают и нищии благовествуют» (Мф. 11, 5), — нужно только уметь видеть эти чудеса, оценить их и поблагодарить за все Бога!

«Как же можно было лишать нас такого счастья?»

Январь 1994 года

Замечательно прошли у нас службы на Крещение Господне. Очень помог в подготовке старейший священник в нашей округе (ныне покойный) отец Петр Огарев из Новогригорьевки: он много раз рассказывал мне об обычаях и богослужениях на этот чудесный праздник. И вот, использовав практические знания этого глубоко любимого мною человека, перечитав некоторую литературу, я попытался воспроизвести ход прежних праздников, доселе мне абсолютно не известный.

Вы только представьте себе: после Литургии из Верхнеднепровского Свято-Успенского храма, под колокольный звон, с крестом, хоругвями, иконами, через весь город двинулся крестный ход. Зрелище было до слез умильное, шли тысячи людей — весь городской проспект снизу доверху был заполнен. Работали пресса, телевидение. Люди говорили, что такого события горожане не помнят. Наши советские демонстрации не могли собрать такого количества людей. Сегодня мы видели не случайных прохожих, а людей, пришедших по зову христианского сердца. Когда поворачивал наш крестный ход внизу, на проспекте, старенький отец Петр, оглянувшись назад, заплакал и сказал мне:

— Батюшка, значит, не зря прожил я все эти годы, все возвращается, как в те добрые старые времена. Теперь не страшно умирать.

Множество людей собралось вдоль живописного залива на берегу Днепродзержинского водохранилища, на льду которого, у большой проруби стоял вырубленный изо льда величественный крест. Был отслужен молебен крещенского освящения воды, военные устроили великолепный салют, детвора из воскресной школы в минуты водосвятия запустила голубей. Было массовое купание в благодатных водах иорданских — окунались и мужчины, и женщины, и дети. Празднование было незабываемым, радость великкая была на лицах. Люди восклицали:

— Как же можно было лишать нас такого счастья?

Воистину перед глазами происходило возрождение и торжество Православия.

Противостояние

Осмысливая произшедшее за эти годы, прерву цитирование давнего дневника и попытаюсь разобраться в противостоянии начавшемуся возрождению.

Противостояние вполне объяснимо, так как, несмотря на ужесточающиеся реалии нашего времени (нищета людей, остановившиеся заводы, полный крах колхозного хозяйства), — люди объединяются вокруг строительства нового собора (хотя оно пока одному Верхнеднепровску не под силу). Столько прекраснейших людей участвуют в этом! Но еще больше людей начинают понимать, что возрождение утраченного собора не может быть делом одних прихожан — оно должно стать задачей всего района, каждый человек должен участвовать в созидании порушенного, а не ждать, когда же священник построит храм.

Именно на это старались мы повернуть жителей Верхнеднепровщины, пробуждая их к духовной, христианской жизни. Люди стали вспоминать о Боге, о Церкви там, где раньше об этом даже и не задумывались, как не задумывались о кознях сатаны и сонма его прислужников, которые всеми силами противостоят церковному возрождению.

Я уже говорил о немыслимом нашествии в Верхнеднепровск сектантских группировок (включая новоявленных представителей «катакомбной истинно православной церкви»). А натиск сектантов «Богородичного центра», «Благой вести» и других, лукаво называющих себя христианами (ведь иначе их просто перестанут слушать), но служащих врагу Христа, — да сколько же этих посланцев врага рода человеческого мобилизованы для борьбы с христианством!

И хотя они такие разные, эти представители лжеверований, но в одном они тесно смыкаются: в злобе к Святой Православной Церкви, к истинному свету исповедания христианства. Наша держава в тяжкие годы лихолетья видела много ужасов: взрывы церквей, уничтожение монастырей, заключение, смерть священников и верующих людей. В те времена богоборческая позиция была безопасна и беспротивна. Знай пиши доносы и жалобы да сбрасывай колокола с церквей — за это еще и награждали: грамоты и ордена давали за «добрость».

Сейчас сатанинские силы показывают свою истинную сущность и используют то, что им всегда удавалось, — ложь. Ложь всех видов и обо всем: о церковных порядках, о священниках, о красоте православного богослужения под звоны колоколов, при зажженных свечах у благодатных икон. Вот это все им нужно облить ложью, грязью...

Великий апостол Иоанн Богослов ясно сказал: «*Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи*» (Ин. 8, 44).

Размышляя над этими точными словами, так хочется достучаться до людей:

— Родные мои, ведь нас Господь создал свободными в праве выбора — каждого слова, каждого поступка. Сея ложь в умах людей, вы выбираете своим отцом — отца лжи, сатану. Спаси нас, Господи, и помилуй от такого родства!

СТРАДАНИЯ И БОЛЬ

Удар

Противостояние сил зла не давало расслабиться — все время ждали каких-то провокаций. Но придавали сил радостные духовные события — такие, как храмовый праздник Успения Божией Матери, к которому мы напряженно готовились. Ожидался приезд многочисленных гостей, Божественную литургию готовился служить Преосвященнейший Ефрем, епископ Криворожский.

Именно в такой напряженный момент и был нанесен мощный удар по всей нашей приходской общине.

За пять дней до празднования Успения Божией Матери, утром 23 августа 1999 года, на Киевской трассе, примерно в 15 километрах от Верхнеднепровска, я попал в страшную автокатастрофу.

Почему произошла авария? Уснуть за рулем я не мог, потому что ежедневно встаю самым ранним утром, и в 5—7 часов у меня самая высокая работоспособность. Не справился с управлением? Это маловероятно, если учесть более, чем тридцатилетний стаж моей водитель-

ской практики. Кроме того, дорога в то утро была абсолютно чистой, дождя не было, видимость прекрасная — такую дорожную ситуацию сложной не назовешь.

Любопытные обстоятельства запомнили люди из двух автомобилей: «Четко видели белый автомобиль, идущий ровно, спокойно, который вдруг совершил невероятно резкие рывки влево-вправо до столкновения с крупным деревом». У меня же эти моменты полностью изъяты из памяти. Осталось лишь четкое ощущение абсолютно неуправляемого автомобиля.

Об истинных источниках беды есть разные мнения. Я же предполагаю, что злая сила скрупулезно, по тщательно рассчитанной схеме нанесла этот удар.

Батюшка будет жить долго

Из рассказа прихожанина Свято-Успенского храма г. Верхнеднепровска Владимира МАЛООКА:

Это случилось в понедельник, 23 августа 1999 года. По служебным делам я ехал в Днепропетровск, трасса была мало загруженная, утро раннее, около 6.30. Мы только миновали границу Верхнеднепровского района, как я почувствовал в атмосфере какое-то давление, невыносимая тяжесть навалилась на меня, трудно было ехать. Меня это удивило, так как из дома я выехал хорошо отдохнувшим, да и проехал-то всего минут 15. От этих размышлений меня отвлекла пожилая женщина на середине дороги, которая, выйдя из машины, пытаясь остановить встречный транспорт. Волнуясь, она сообщила мне, что произошла авария, какая-то машина в кювете, а в ней человек. Чувство водительской солидарности заставило меня действовать.

В кювете на правом боку лежала машина, от двигателя которой шел коварный дымок. Авария, по-видимому, произошла буквально за несколько минут до моего приезда, так как машина слегка покачивалась. Я решил, что прежде всего нужно предотвратить загорание, отключил клеммы аккумулятора — дымок затих. Вокруг дерева, в которое врезался автомобиль, странное зрелище: земля будто вспахана, валяется лобовое стекло, исковерканный капот, какие-то детали, но водителя увидеть не могу. Ведь по всем законам физики он должен был вылететь вперед, по ходу движения машины, или же — быть зажатым рулем. С помощью водителей остановившихся машин ставим поврежденную машину на колеса. Двери заклинило, правое заднее стекло все в крови, сзади кто-то лежит.

Монтировками пробили багажник и обнаружили водителя, который, очевидно, своим телом нанес страшный удар назад с такой силой, что спинка заднего сидения проломлена в багажник. Тогда не было времени размышлять, но уже впоследствии, анализируя все, представлял невероятность такого удара телом водителя назад! В те минуты все происходило так быстро, что я не успел рассмотреть ни марки автомобиля, ни лица водителя. В голове только пронеслось: водитель с бородой, как поп. И тут я с содроганием сердца понял, что это действительно поп — наш настоятель, отец Михаил, только вот лицо-то его было неузнаваемо! Состояние его было крайне тяжелое — сильно разбита голова, глубокая рана на лице, кругом кровь... Не ожидая «скорой помощи», мы его вытащили из разбитой машины, и он в шоке пытался еще сам, с нашей помощью, дойти до «Волги». Спрашиваю:

— Куда, батюшка, везти? В больницу?

— Нет, — отвечает, — сначала в храм.

В пути я слышал, как он стонал, то громче, то совсем затихал, теряя сознание.

Не жилец?..

Из рассказа врача-анестезиолога отделения реанимации и интенсивной терапии Жанны РАДЧЕНКО:

Когда я впервые увидела больного священника Михаила Овчинникова, невольно подумала: «*Не жилец...*». Настолько тяжелым было его состояние, что невозможно было предвидеть положительный исход лечения. В первые мгновения даже пронеслась мысль: «*Целесообразна ли моя врачебная помощь?*»

Последствия катастрофы были ужасными: тяжелая черепно-мозговая травма, сотрясение и ушиб головного мозга. Под вопросом стоял диагноз внутричерепной гематомы, перелома основания черепа, дислокаций структур мозга. Больной был без сознания. Тяжелая кома на тех ее гранях, когда сразу невозможно оценить, погибла кора головного мозга или нет. Если не исключить возможность первого варианта, это значит — социальная смерть, то есть остается возможность биологического существования, но неосмыслиенного: не только без активной деятельности, но практически без переживаний, мышления, идей, то есть всего того, что присуще каждому человеку. Это даже представить себе невозможно по отношению к отцу Михаилу, такому яркому, незаурядному индивидууму.

Но предположение, что процессы в коре головного мозга больного Михаила Георгиевича обратимы, — тоже возникло. Поэтому усилия медиков были направлены

на оказание своевременной, адекватной высокопрофессиональной помощи. Приглашенные на консилиум заместитель главного врача по лечебной работе, травматолог, невропатолог, отоларинголог, окулист подтвердили основной диагноз. У большинства докторов не возникло сомнения в том, что, несмотря на проводимое лечение, прогноз на выздоровление и тем более на нормальную продуктивную жизнедеятельность отца Михаила — отрицательный. Однако оказание медицинской помощи продолжалось. Когда появились первые признаки дыхательных расстройств, больной был переведен на искусственное дыхание аппаратным методом, продолжалась борьба с отеком мозга, поддерживалась работа сердца, контролировались и восстанавливались нарушения других функций организма.

Клиническая картина поврежденного мозга усиливалась: увеличился «симптом очков» (так называемая нараорбитальная гематома, которая может быть при некоторых других болезнях, но в данной ситуации она говорила о наличии перелома основания черепа). К полной обездвиженности в левой половине туловища (так называемая левосторонняя гемиплегия) присоединилась патологическая неврологическая симптоматика, то есть появились рефлексы, которые у здоровых людей не вызываются. Все это усилило тревогу медицинских работников за судьбу больного.

Не совсем обычно для нас вели себя родственники: жена Людмила Васильевна, ласково называемая в народе матушкой Людмилой, их дети — сын Андрей, дочь Мария. Видя усиливающееся волнение медицинского персонала, интуитивно чувствуя тяжелое состояние своего любимого мужа, отца, они не стенали, не сутились бесполезно, создавая помехи в работе медиков, а

решительно предложили свою помощь. И я не побоюсь сказать, что и молитвы прихожан, и подлинная, действенная помощь со стороны всех: и родных, и медицинского персонала — помогли добиться положительного исхода, которого уже в глубине души никто не ожидал.

Приехали областные консультанты. Их вывод был тоже малоутешительным. Для дальнейшего лечения больной был транспортирован в отделение реанимации и интенсивной терапии областной клинической больницы им. Мечникова города Днепропетровска.

На просьбу родственников дать им четкий ответ о дальнейшей судьбе Михаила Георгиевича я уклончиво пыталась молчать или сообщать о подобного рода больных и болезнях, чтобы хоть на секунду отвести их мысли от тяжкой судьбы отца Михаила. Все же я ориентировала их на отрицательный исход.

Каково же было мое изумленис, когда на трети сутки я узнала, что Михаил Георгиевич начал приходить в себя, реагировать на врачебные инструкции, переведен из реанимации в отделение! И это, и то, как быстро отец Михаил прошел восстановительный период, до сих пор волнует меня. Как специалист точной естественной науки — медицины, то есть как реалист, я не могу в это поверить. Налицо действие той удивительной силы, о которой мы, реалисты, пытаемся не думать. Это то, что скрыто от нас в тайне мироздания. Называйте это как хотите: Божия благодать, какое-то непостижимое для нас пространственное измерение и т. д. Пусть это вам кажется даже вымыслом моей фантазии, но то, что существует такая Сила, заставляет и меня, человека довольно строгих убеждений и взглядов, по-иному взглянуть на мир вокруг себя.

Может, и вы, читающие эти строки, вечно правые
во всем, попытаетесь без усмешки неверия и суеверно-
го страха глубоко и осмысленно почувствовать по-но-
вому себя и наш прекрасный, удивительный, манящий,
но вместе с тем такой грозный мир.

ЧУДЕСНЫЕ ФАКТЫ В МОМЕНТЫ ГИБЕЛИ ОРГАНИЗМА

Дальше — реанимация, нейрохирургия, кровь, боль и смерть... Не очень интересный для читателя материал. Но я хочу рассказать только о некоторых событиях этой тягостной цепи, интересных в духовном плане и для меня, и для окружающих.

Мои повреждения были столь серьезными, что в первые дни после аварии врачи не могли дать никакой гарантии, что я выживу.

Первое, что я вспомнил, было ясное ощущение — душа моя покидала тело. Происходило это шесть раз... Разумеется, эти моменты остались только в моей памяти, как-то зафиксировать их в тяжкие для меня минуты я не мог.

Первая встреча с миром иным

Настолько неожиданно и резко это произошло, что я, к сожалению, смутно помню сам момент расставания души с телом. Хорошо помню ощущение легкости, когда, как при глубоком вздохе, пришло прекрасное ощу-

щение освобождения от больной, разломанной плоти. Постепенно, но весьма реально включалось восприятие звука, цвета, формы. Я уходил в неповторимо прекрасный, восхитительный мир, причем впечатление неземного, неощущаемого ранее состояния нарастало. Сквозь болевой, кровавый мрак вдруг постепенно появился неизрекаемо чудесный свет — он был похож не на сполохи лампы, прожектора или светильника, это был весь мир, пронизанный светом-жизнью.

Мои первые движения сопровождало какое-то богослужение: молитвы, песнопения мужских голосов. Было ощущение чего-то родного, знакомого — да ведь это душа перекликнулась с родным монастырем! Как я узнал гораздо позднее, там совершилась непрерывная молитва трое самых страшных для меня суток. Вот она — реальная рука христианской помощи.

Задумайтесь: как страшно, что многие наши современники совершенно не знают, не понимают невидимой, но реальной силы молитвы. А я свидетельствую, что слова молитв, и особенно в такие труднейшие минуты, сопровождали меня, беспомощного, нежно поддерживали, заботливо направляли, вселяя спокойную уверенность в несокрушимости Божией силы. При этом у меня было ясное понимание своей плотской, греховной слабости, но рядом — несгибаемой силы помощь Господня...

Затем я начал ощущать тончайшие переливы музыки — это звучали духовные песнопения, красоту которых не описать человеческими словами. Это был не земной и даже не церковный хор, пусть и высочайшего профессионального уровня. Душа ясно понимала: поют Небеса. Такого на земле я не слышал.

Увиденное за этой тонкой невидимой чертой, отделяющей меня от земли, таково, что все человеческие

таланты неспособны даже приблизиться к этому неземному Царству совершенства.

Хочу подробней рассказать о том свете, которого коснулась моя душа в первые минуты перехода в мир иной. Как художник, я заметил, что эти неземные, хрустально-серебристые; нежно-золотистые переливы вмещают еще и сложнейшие, тончайшие оттенки, размытки, переходы, над которыми может долго, но безрезультатно трудиться целый коллектив профессиональных живописцев.

Честно говоря, мне очень тяжело передать словами все виденное. Понимаю свое недостоинство и не могу судить, что именно было мне показано. Но почему-то пришли на ум слова: «*Опиши словами нетленный Божий свет Фаворский*». Не дерзаю говорить, что я видел хотя бы отблеск этого света, но нельзя найти слова в человеческом лексиконе, способные выразить мои ощущения... Глядя на пространство, наполненное миллиардами вроде незаметных, но реально ощутимых, чудных цветовых переливов, я невольно подумал, что перед моими недостойными глазами дышит, живет мир Божий (прости, Господи, если уместно здесь простое человеческое слово). Было ощущение, что этот цветовой мир действительно наполнен жизнью (ко всему прочему, я прямо оттуда получал ответы на все волнующие меня вопросы).

Размышляя над этим видом Вселенной Господней, я вдруг ясно понял, что все мы, земные люди, живем как-то не так, зачастую, по нашей греховности, не попадая в этот радостный ритм течения жизни, в это невидимое вселенское дыхание, созданное Богом. А вот великие христианские подвижники, на мой взгляд, своей неусыпной, длительной молитвой поднимали себя

до этих высот ощущения ритма Божиего Света. Вспомним примеры из жизни преподобных отцов: Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Оптинских старцев, великомученицы Параскевы, целителя Пантелеймона, современных страстотерпцев, мучеников за веру Христову... Этот список можно продолжать бесконечно... Многие люди свидетельствовали: в моменты усиленной молитвы, высокого духовного напряжения от лица этих людей исходил свет, от тел — сияние, в зимнем, снежном лесу открывались цветы и травы, в промерзшем карцере страшного лагеря согревала дивная молитвенная ночь... Исчезало восприятие боли, не обжигало кипящее в кotle масло... Изменялась даже окружающая природа: трава, листья на деревьях, появлялись нежданные цветы в снегу, необычные свечения и прочее...

Люди ощущали эти необычные явления, потому что на их глазах в молитвенной силе подвижников наглядно проявлялась безгранична сила Божия, которую мы, грешные земные люди, просто никогда не видим...

Уже во время своего выздоровления в книге «Страшный Суд Божий» я прочитал о видениях Григория, ученика святого Василия Нового Царыградского: *«И в тот час вся земля и весь воздух на ней воспалил снеговидным пламенем, и совершилось это чудо продолжительное время, и поднялось сие пламя снеговидное в высоту небесную, и сошло с высоты небесной бесчисленное множество селений Божиих чудной красоты с храмами Божиими и палатами... И слышен был несмолкаемый глас шума празднующих, глас непрестанного веселия духовного. Там непрестанный покой, неиссякаемая радость, вечное торжество, вечный праздник — Вечная Пасха Неплениая!»*

Как эти слова, сказанные много веков назад, были близки к моим чувствам! В который уже раз я убедил-

ся, что сочинить все это по своей воле человек просто не в силах. Ощущение счастья, которого я, недостойный, коснулся в свои тяжкие минуты, не оставляет меня до сих пор: радость, молитвенная легкость и безграничный покой... Слава Богу за все!

Кстати, врачи удивленно поглядывали на меня, когда слышали сказанные мною слова, столь странные в таких мучительных обстоятельствах:

— Радость какая!..

— Как возможна сейчас какая-то радость? — недоумевали они.

Реальные встречи в мире тонком, бесплотном

И вот начались мои встречи в этом чудном неземном пространстве. Особо хочу подчеркнуть, что эти встречи по реальности и информативной насыщенности отличались от бредового состояния больного, вызванного болью или действиями сильных медицинских препаратов. Как правило, в таких случаях больное сознание человека каким-то образом выбирает из памяти лики людей, живых и усопших, хаотично связывая их воедино в каких-либо фантастических действиях.

При переходе моей души в мир иной я встречался только с усопшими людьми, близкими и важными для меня. И никакого хаоса — встречи четкие, ясные, осмыслиенные, с важными для меня откровениями, нужными сведениями.

Здесь необходимо ответить на один важный, по мнению многих, вопрос: «Действительно ли в эти моменты тело мое было вне жизни?» Вот мнение преподобного подвижника V века Иоанна Кассиана: «Часто это

(духовное видение) начинается у умирающего еще до смерти, и, все еще видя окружающих и даже беседуя с ними, они видят то, чего не видят другие».

Первым, кто появился на моем пути, был усопший духовный наставник, бывший секретарь Днепропетровской епархии, протоиерей Константин Огиенко. Лицо его, как всегда, жизнерадостное, с улыбкой:

— Вот и «старец» наш появился. Рановато...

Многие мне задают вопросы — какой он имел вид, во что был одет? Мне во всех потусторонних встречах очень четко запоминались только ясные лица усопших, на которых особенно выразительными были глаза. Очевидно, это самое характерное в человеке.

Именно глядя друг другу в глаза, мы безмолвно общались, через глаза текла нить нашего разговора. Теперь знаю, что наше земное выражение «Глаза — зеркало души» — не случайно, оно находит объяснение в Священном Писании: *«Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло. Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно»* (Мф. 6, 22–23).

«Августин (епископ Иппонский (354–430). — Авт.) разумеет под глазом намерения человека, — если они будут чисты и правильны, то и все наши дела, исходящие из наших намерений, хороши» (Толковая Библия. С. 132).

Когда человек ощущает свою греховность, в такие моменты ему бывает неловко поднять на собеседника глаза. Это происходит потому, что он невольно осознает: его вина видна в глазах.

Евангелист Матфей говорит об око человека: *«Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего»* (Мф. 7, 5), — указывая путь личного совершенствования.

Дай нам, Господи, сил, чтобы глаза наши наполнялись светом чистоты, любви и правды, чтобы не стыдно нам было перед людьми поднять свои очи...

Во время этих встреч одежду я видел очень смутно: какие-то серебристо-переливающиеся накидки, покрова. Не разглядел ни рук, ни ног: В этой связи весьма интересно мнение иеромонаха Серафима (Роуза): «*Если кто-то склонен к излишнему буквализму в отношении этих видений, то следует, наверное, сказать, что, конечно, формы, которые принимают эти видения – не обязательно “фотографии” того, в каком положении находится душа в ином мире, но скорее образы, передающие духовную правду о... состоянии души.*

Общение с отцом Константином шло весьма активно, но не через нашу обычную речь. Мы общались, обмениваясь информацией мысленно, глядя друг другу в глаза. Никаких затруднений этот необычный способ общения у меня не вызывал, очевидно, наши души прекрасно это умеют делать.

Это было не легкое, безболезненное общение, или, как это часто бывает в миру, как бы светская беседа обо всем и ни о чем. В этой встрече я держал строгий ответ за все свои духовные шаги. Ясно, четко, прямо обсуждался порядок моей жизни. Не было никаких возможностей умолчать о чем-либо неприятном для тебя: ведь общение идет, как естественное дыхание организма. А человеку невозможно дышать слегка, немного. Так же полно, как вдох и выдох здесь, на земле, мы будем «выдыхать» из себя все допущенные нами ошибки там, на Небесах.

Часто во время нашего разговора я чувствовал огорчение своего наставника, а иногда – радость. Но не было ни упреков или выговоров, ни восторженных похвал – все ровно, спокойно, мне же было все предельно ясно:

что я сделал так, а что не совсем правильно. Верно заметил один близкий мне священник, слушая мой рассказ: что была встреча ученика, написавшего работу на экзамене, со своим преподавателем. Мои ответы как ученика очень часто мне самому не нравились, ужас охватил меня, когда я понял, что с этими же вопросами ко мне сейчас нагрянет черное бесовское племя и предъявит счетки с записями всех моих прегрешений.

С трепетом я поведал об этом своему любимому отцу Константину и услышал в ответ серьезные и радостные слова:

— Вот и прекрасно, что все это понял, самое главное, что вовремя. А теперь возвращайся назад — тебя ждут дела, люди. Помни до конца дней своих все, что видел здесь, и расскажи людям.

Развернул он меня в ту сторону, откуда я прибыл, — и я почувствовал его увесистый дружеский хлопок по спине (хотя и понимал, что ни спины, в нашем понимании, ни рук там не было). Вот так — с улыбкой и пониманием, с добрым отеческим наставлением — встретил и вернул меня назад протоиерей Константин Огиенко.

Как происходило духовное общение? У епископа Феофана Затворника я нашел интересное мнение: «...душа по выходе из тела вступает в область духов, где как она, так и духи являются действующими по тем же формам, какие видны на земле между людьми: видят друг друга, говорят, ходят, спорят, действуют. Разница только в том, что там область утонченного вещества, эфирная, и в них все потому утонченно-вещественно и эфирно».

При последующих переходах моей души в мир бесплотный произошла нежная встреча с моей усопшей мамочкой. Измученная тяжелой смертельной болезнью

на земле, она твердо шла к Богу. И теперь я увидел ее в сиянии, которое не выразить земными словами! Нам обоим так хотелось остаться вместе... Но, упреждая мой вопрос, она сказала уверенно:

— Благословения Господня на это нет. Возвращайся назад. Крепись, трудись — тебе там сейчас будет трудно и больно.

Ее глаза, глаза любящей матери, излучали немую скорбь за те часы в болезненных корчах, которые мне еще предстояло выдержать. Но не услышал я от мамы ни слова мирских страданий и охов, к которым мы так привычны здесь, на земле, и которые, как правило, ни к чему добруму не ведут.

Были и другие встречи с духовными людьми, со знакомыми и родными, но они не представляют большого интереса для читателя.

Сейчас меня поражает последовательность духовных встреч в Божием мире: первым появился усопший духовный наставник, и только потом — мама.

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!

В переводе с греческого слово «покаяние» означает изменение сознания, возвращение его на путь истины, то есть покаяние — это подвиг благочестивой жизни, умоляющей Бога о прощении всех прежних грехов.

Или, как говорит святой Иоанн Лествичник: «*Покаяние есть возвращение крещения*», то есть очищение совести. К этому можно добавить фразу Исаака Сириня: «*Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — Божественная пристань...* И когда достигнем любви, тогда достигнем мы Бога, и путь наш совер-

шаги, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, и Сын и Дух Святый».

Как раз покаяния — этого дивного, чистого явления — нам всем так не хватает. В один из моментов на грани жизни и смерти я наблюдал весьма впечатляющую картину.

Душа моя, поднимаясь над землей, вдруг увидела изнизу большую группу людей, которые старательно, даже как-то упоенно перебирали груды мерзкого вида бумаг, документов, папок и т. д. Они в них что-то вычитывали, потом скорбели или, наоборот, неистово радовались, обсуждая друг с другом прочитанное.

Поднимаясь выше по какой-то немыслимой спиральной линии, я вдруг обратил внимание на необъятные просторы земли, на которых тысячи, миллионы людей были заняты этой ужасающей, непонятной работой. На мои недоумения я получил заботливый ответ, исходивший откуда-то из дивных переливов света.

— Да, это все мирские, земные дела, суeta... Перебирают они все, как им кажется, важное, — услышал я.

Но в этой громадной грязно-серой массе выделялись отдельные люди, у которых возле груди, рук, головы вдруг зажигался примерно тот же несказанно красивый свет, которым меня поразил мир иной в самом начале. Я увидел, что они прилагают для этого немалые усилия.

Представьте себе: движутся с земли души усопших людей. Большая часть блекло-тусклые, их очертания как бы искажены, размыты. А какая-то, довольно малая, часть душ переливается негасимым, неземным светом, в сиянии пересекая необозримые пространства.

— Смотри внимательно, — помогает мне невидимый голос, — люди, копаясь в ужасающей пыли земных грехов, покрыли свои души грязной коркой. На них же

смотреть страшно. А где-то человек, пытаясь уйти от этой грязи, принимает искреннее покаяние. Вот этот его шаг и ломает невидимую мерзкую корку, и человек начинает светиться, радоваться. Свет от этих душ — это то, к чему всех вас призывает Господь Вседержитель: любовь! Любовь к Богу и ближнему своему.

Так просто и легко мне стало. Да ведь мы все наполнены этой дивной любовью еще с момента духовного рождения — Крещения. Посмотрите внимательно в глаза маленькому несмышленому ребенку: какая чистая детская любовь в его душеньке! А мы, взрослые, разумные вроде люди, в земной суете, в немыслимом мирском раздражении, как почувствуем эту любовь? Тут уместно вспомнить слова Иоанна Лествичника, что покаяние — возвращение Крещения.

Вот ведь в чем простота и вместе с тем такая тайна для человека: покаявшись со слезами, от всего сердца в своих прегрешениях, злодеяниях, преступлениях — обретает человек крещенскую любовь Господню и начинает светить людям. Дай Бог нам всем ощущать этот свет и научиться открывать его для своей удивительной души, которую мы сами еще толком не знаем.

Возвращение души в покинутое тело

Воспоминания о неоднократном возвращении души в разбитое, искалеченное тело — весьма невеселые.

Душа до мелочей помнит состояние тела, в котором только что пребывала, прекрасно сознает жесткий дискомфорт этого тела, находящегося, мягко выражаясь, не в полном порядке. Однако без всякого ропота, с послушанием двигаюсь обратно.

Прежде всего, поражает тот ужасающий мрак, который застаешь на месте разлучения с телом. Пусть не опидаются работники больницы — у них там все освещено, прибрано, в полном порядке. Просто представьте себе резкий переход от сияния Божьего света на Небесах к нашим земным условиям, как бы старательно они их не пеклись!

Увидел я весьма неэстетичный стол, на котором лежал ужасный бесформенный мешок. Это я таким образом воспринял свое разломанное тело. Его содержимое, образно говоря, напомнило мне какой-то склад важных деталей (это уже было впечатление автомобилиста), причем эти детали были совершенно не связаны друг с другом, не работали в едином ритме. Когда я, придя в себя, рассказал врачу о таком восприятии своего организма, он даже развеселился, но потом серьезно добавил:

— Это вполне очевидно, но мы с вами постепенно все это поправим (*жалко только, что Бога тут он не вспомнил — ведь без него-то мы уж точно ничего бы не поправили. — Авт.*), и все ваши расстроенные органы постепенно включатся в общую работу организма.

Далее пошла рядовая, тяжелая работа по включению, оживлению организма, но не очень хочется и самому вспоминать об этих подробностях, да и читателей ими волновать.

Много людей навещали меня, волнуясь обо мне.

— Все нормально, — улыбаясь, отвечал я на их вопросы.

В это тяжкое время я убеждался, что с улыбкой жить легче, точнее — легче остаться жить.

Хочу отметить, что здесь, на земле, в периоды моего полуобморочного, сонного состояния меня действительно мучили всякие невероятные эффекты. Я видел

какие-то боевые действия,очные десантные боя, взрывающиеся гранаты, вертолеты. Говорят же, что в таком состоянии без различных видений, галлюцинаций не обходится. В самом деле, и они были, нужно только стараться различить болевую, лекарственную реакцию изувеченного тела, пораженного мозга, от той реальной благодати Божией, о которой идет речь в этой работе.

О семи горячностях духа

Сейчас, когда более четырех лет жизни отделяют меня от той Божественной радости — лицезрения света Любви — радости, дарованной мне, недостойному, я натолкнулся на удивительные строки в сочинениях архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского). Работая в своей крымской келье, я открыл его книгу в том месте, где он беседует о семи горячностях духа.

Слова этого великого молитвенника настолько переплелись со слабо написанными ранее мною строками, точнее, обогатили, подтвердили их, что мне хочется поделиться ими с читателями, которые, быть может, еще не знают о них:

«Горе человека в том, что он постоянно торопится, но торопится суетно, бесплодно <...> Диавол сошел в великой ярости, зная, что немного ему остается времени. Вот откуда <...> — все более безудержный бег людей и народов <...> Бедный человек! Все закованы в цепи малых, ничего не дающих дел, которые надо выполнить возможно скорее, <...> чтобы <...> начать ряд других, столь же ничтожных дел...»

Где же взять время на добро, пока ты живешь в теле? Ходи в свете, пока есть свет (См.: Ин. 12, 35).

- «Оттого торопись делать добро, — продолжает архиепископ Иоанн (Шаховской), — <...> быстрота **искания** — вот первая горячность, которую принесем к Богу;
- **Быстрота прощения согрешившего брата <...>;**
- **Быстрота отдачи ближним** всего, что может их вывести из беды;
- **Умение быстро <...> послужить** хоть малым каждому человеку, **умение молиться за каждого;**
- **Умение противопоставить** всякому выражению **добра, всякой тьме — свет Христов,** всякой лжи — **истину;**
- **И седьмая горячность веры, любви и надежды нашей — умение мгновенно вознести сердце и все естество свое к Богу,** предаваясь в Его волю, благодаря и **славословия Еgo за все».**

Как можно еще более ярко и емко описать возможность появления тех светящихся благодатных душ, возносящихся ко Господу, которые было позволено увидеть мне, немощному, недостойному человеку. Как благодарен я Всевышнему, что нашлись такие слова у великого молитвенника владыки Иоанна о тех явлениях, которые я не смог описать так убедительно!

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

В те тяжелые минуты я мог видеть не все, да и не обо всем могу писать. Поэтому появилась необходимость дополнить эту работу мыслями других людей, так как описание всего прошедшего и увиденного только моими глазами не отразило полноты событий.

Дверь в неземную реальность

*Из воспоминаний прихожанки Галины БЕЛИКОВОЙ,
педагога:*

С семьей Овчинниковых меня связывает давняя, прочная дружба. Мы встретились задолго до принятия отцом Михаилом сана и на протяжении этих лет никогда не теряли друг друга из вида. Связывает нас редкая в наше время способность говорить на одном языке, слушать и слышать.

Отец Михаил поражает своей неуспокоенностью. Имея за плечами богатый жизненный опыт, он постоянно находится в поиске основного стержня, отправной точки в жизни. Матушка Людмила, опытный и из-

личный социолог, притягивает неординарностью видения каждой жизненной ситуации, своим живым участием в любых событиях. Главной чертой этой семьи были и остаются стремление помочь кому-то в сложных обстоятельствах. Я вспоминаю все нелегкие периоды моей жизни — и всегда Овчинниковых были рядом.

Беда, постигшая отца Михаила, произошла тоже после того, как он, откликнувшись на чужую боль, стремился исправить ошибки других, отправившись после тяжелого дня за десятки километров. Случившееся на рассвете не просто потрясло меня, а ввело в какое-то особое состояние, когда все произшедшее с отцом Михаилом казалось ирреальным. Жизнь его продолжалась, но как бы за толстыми стеклами: все видно, но ничего не слышно.

Я увидела батюшку на третий день после аварии, когда он был переведен из реанимации в отделение. Сегодня можно говорить, что это был один из тех дней, которые врачи называют критическими. Мы с матушкой Людмилой были около него, он был очень плох, метался. Создавалось впечатление, что с нами было только его тело, а душа где-то в другом месте, где с ним что-то происходило, шла какая-то страшная, тяжелая борьба. Чувствовалось его огромное напряжение, мобилизация всех сил.

Анализируя сейчас эти моменты, я могу с уверенностью сказать, что во время этой борьбы дверь между земной реальностью, где находились мы с матушкой, и тем пространством, где находился отец Михаил, была как бы неплотно прикрыта. Поэтому все метания, нравственные усилия отца Михаила, его борьба, споры с кем-то — ощущались как наяву, и в то же время было совершенно понятно, что он сейчас не с нами. Это про-

должалось довольно долго, потом наступила минута заташья, после чего отец Михаил совершенно спокойно и четко произнес:

— Все, пора уходить.

— Куда? — спросила матушка Людмила.

— Туда, вверх, по вертикали, — ответил он.

Спокойно и уверенно матушка стала говорить ему:

— Нет, родной, ты нужен здесь, ты не имеешь на это права.

Все это время она держала его руки. Когда смотрела я на их руки, то видела, что это последнее, что удерживает его в этом мире. Он задал встречный вопрос:

— Кому?

Матушка шептала ему, что он нужен ей, его детям, внукам, его духовным чадам, что нужно достраивать храм. Потекли страшные минуты молчания. Мы встали на колени и начали молиться. Отец Михаил стал спокоен и, казалось, уснул.

Мне несколько раз довелось дежурить в больнице в течение всей его болезни. Я видела, что он проходит через какие-то глубокие нравственные переживания, потрясения, живет какой-то недоступной для нас жизнью. Трудно было понять многое из того, что приходилось видеть и слышать. Только на более поздней стадии выздоровления он, я бы сказала так, вернулся в реальный мир, многое из увиденного и услышанного рядом с ним стало понятным.

Видя тяжкие физические страдания, которые пришлось пережить отцу Михаилу, мы поражались его смирению. Ни тени сетования или какого-то укора — он превозмогал нестерпимую боль с присущим ему юмором и оптимизмом. Постоянно рвался что-то делать, стремился как можно быстрее начать свою службу.

Сейчас, когда я вспоминаю это, как наяву проходят перед глазами те страшные дни, после которых укрепилась убежденность, что все на земле в воле Господа. И только вера, великое смирение, упование на помощь Господу — единственный путь преодоления испытаний.

Путь, который, на мой взгляд, достойно проходят отец Михаил с матушкой Людмилой.

Вера явила чудо

*Из рассказа прихожанина Анатолия ПИЦЫКА,
предпринимателя:*

Хочу сразу отметить, что к вере нашей православной я пришел благодаря отцу Михаилу. Раньше ходил в церковь только по большим праздникам: на Пасху, на Рождество. Как и другие люди, стоял в ожидании освящения пасхальных яиц и куличей. В разных приходах освящение проходит по-разному. Но наш отец Михаил в эту знаменательную для меня Пасхальную ночь весь сиял, светился радостью, его переполняющей, и щедро делился сю с людьми. Я увидел, что многих он хорошо знает, каждому умеет сказать доброе слово, и люди в ответ как бы зажигаются тем же сиянием...

Я все чаще стал ходить в храм — нравились мне проповеди отца Михаила: всегда доходчивые, они трогают сокровенные струны души. Меня привлекали открытость, искренность и доброта отца Михаила. И я всеми силами души потянулся к Церкви...

На следующий после аварии день я пришел в храм узнать, какая от меня нужна помощь, беседовал со священниками, с дочкой отца Михаила. Поразила их твердость, уверенность в силе молитвы — не было паники, они были полны надежды и оптимизма. И это была не

поза. Я видел, как обычно беспомощно, истерически суетятся люди, не имеющие веры. Здесь же серьезно отнеслись к беде: обсуждали, что уже сделано, что еще предстоит. Поразило, как его восемнадцатилетняя дочь Мария твердо произнесла:

— Мы молимся и надеемся на милость Божию.

Я понял, что впервые вижу настоящую христианскую позицию — молитва и полная собранность. А ведь все понимали, насколько реальна смерть отца Михаила!

На третий день после аварии я был в больнице, разговаривал с врачами, их ответы были весьма уклончивы. В глазах же у них я читал другой ответ: надежда на жизнь отца Михаила крайне слаба.

Посетив батюшку в палате, я убедился, что состояние его тяжелейшее, голова и тело изуродованы, глаза закрыты черными гематомами — но он все-таки говорил, правда, голос был еле слышен.

Рядом с ним — его верная матушка Людмила, в глазах ее боль, но и огромная вера, и надежда, а в руках все время — молитвослов. Меня снова и снова поражало это твердое спокойствие и смирение перед волей Господней. Я четко понимал, что именно глубокая любовь, внутренняя вера и смирение дают слабой женщине такую силу духа в невероятно трудной ситуации. Понятно, что это ни сыграть, ни изобразить невозможно...

Каждый мой приезд к батюшке в больницу являл мне новое чудо. Разбитый, израненный, он постоянно улыбался, даже находил в себе силы для радостных шуток, с любовью благословлял всех приходящих к нему, хотя я ясно видел, что любое движение для него — мука! На моих глазах смерть явственно отступала, хотя по всем земным законам должна была победить его. Когда через четыре недели я увидел его с палочкой в руках на

церковном дворе, на службе — радости моей не было предела.

Не раз я возвращался мыслями к этим событиям, вспоминал дивные слова: «*По вере вашей будет вам*» — они подтверждаются самой жизнью. Долгие разговоры с отцом Михаилом, собственные размышления постепенно приводят меня к убеждению, что нечего бояться смерти, потому что наша жизнь — это подготовка к важному шагу, к жизни вечной.

«Ваш батюшка был на волосок от смерти...»

*Из рассказа прихожанки Людмилы КОТОВОЙ,
предпринимателя:*

Поражаешься, как дивно Господь устраивает все полезное для нашей души. Этим летом я находилась на Западной Украине, на Буковине, где и познакомилась с семьей православного священника отца Димитрия. Он вел долгие беседы со мной и моими детьми о христианской вере и жизни, о постах и православных праздниках. Предложил всем нам съездить в монастырь к удивительному старцу — отшельнику, который живет высоко в горах в уединенной келье среди чистой, дикой природы и спускается иногда в монастырь на службу и к страждущему народу.

В присутствии этого подвижника душа ощущала особый свет, легкость, исчезал налет житейской суety, заживали раны, оставленные в душе страданиями, обидами и унынием. Сердце радовалось. Большое количество людей: и молодых, и старых, и священников, и монахов — ждали его. Для каждого он находил какие-то особые слова, советы — все уходили от него просвещенными, утешенными его заботой, улыбкой, умиротворением.

творяющим и смиренным видом. Запомнились слова старца:

— Молитесь, призывайте Господа, там чистота...

Накануне этой поездки меня очень огорчил телефонный звонок из Верхнеднепровска: мне сообщили, что наш батюшка, отец Михаил, разбился на автомобиле и будто бы уже и похоронен. Конечно, я захотела оставить старцу записочку об упокоении нашего батюшки. Но он вдруг отложил эту записку в сторону и сказал:

— Нет, этот человек не умер, живой он, болест, молитесь о его здравии!

Видя мое недоумение, он чуть позже сказал:

— Ваш батюшка был на волосок от смерти, но Господь спас его. Теперь он находится под особым Божиим благословением, — старец светло улыбнулся и продолжил: — И большой храм непременно построит, и будет здравствовать многие лета под защитой Господа. А ты обязательно помогай церкви — этим спасешься, и дела твои на лад пойдут...

Меня эти слова просто поразили, ведь я ему ни о строительстве нашей церкви, ни о моих личных делах ничего не говорила!

Какова же была моя радость, когда мы вернулись в Верхнеднепровск, на день Михайлова чуда, и узнали, что наш батюшка Михаил был на службе и даже говорил проповедь. Прав был старец! Слава Богу за все.

Пусть будет все, как Господу угодно...

Из воспоминаний матушки Людмилы ОВЧИННИКОВОЙ:

Этот день, 22 августа 1999 года, ничем не выделялся из ряда таких же воскресных дней. Разве что приближающийся храмовый праздник, до которого оставалась

ровно неделя, требовал дополнительных хлопот. Несмотря на них, я люблю эту милую суматоху подготовки к празднику: начинают делаться дела, до которых раньше руки не доходили, церковь на глазах принаряжается. А главное, что наши прихожане, вечно занятые домашней суетой, оставляют все и включаются в работу.

Дел было невицорот: ведь нужно принять паломников, накормить человек 300–400 церковным обедом. Службу, как правило, правит архиерей, а это большая молитвенная радость и ответственность. Обычно к этому празднику мы проводили наружные ремонтные работы в храме, но в этом году настоятель с этим уже управился и все силы сосредоточил на организации строительства нового собора. Да и сами торжества, насколько я понимаю, он хотел использовать для серьезного разговора с членами Попечительского Совета — о строительстве Свято-Успенского собора. Раньше все ожидали, когда же отец Михаил выстроит вторую в городе церковь. А теперь приходит осознание, что это чудо — дело всего нашего района, хотя и положение района не лучшее: стоят заводы, едва живут крестьянские хозяйства. Только милость Божия может сдвинуть с места эту, казалось бы, неподъемную глыбу, но милость эту нужно заслужить.

После Литургии у батюшки было несколько продолжительных бесед с прихожанами, за обедом собирались близкие. Очень любопытно, что за столом кто-то из женщин начал просить батюшку растолковать приснившийся ей сон, но он улыбнулся в ответ и сказал:

— Экая невидаль — сон, они всем снятся. Вот мне последний месяц снятся все мои близкие усопшие люди. Так что же из этого? Не старайтесь рыться в своих снах и толковать их по своему усмотрению, смущая этим

людей. Прозревать сны — это редкая молитвенная благодать, а я недостоин этого...

Одна из встреч с молодыми людьми нашего прихода, юными неофитами, произшедшая в этот день, очень взволновала батюшку. По отрывкам услышанного разговора я поняла, что его очень волнуют глубокие заблуждения ребят. Ситуация касалась семьи моих хороших друзей, касалась очень тонких, личных отношений, и я, по материнскому неразумию, вмешалась в эти дела, поговорив по телефону с их матерью. Старая пословица говорит, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Мой разговор вместо пользы ввел эту милую женщину в смущение, расстроив ее. Глубоко обеспокоенная этим, я с покаянием рассказала о своих делах батюшке. Пожурив меня, он улыбнулся:

— Нужно все поправить.

Телефонные междугородные разговоры не помогли.

— Понимаешь, — говорил он мне, — если бы речь шла обо мне или о тебе — это полбеды. Но у человека сейчас формируется отношение в целом к Церкви, а это мне не безразлично. Нужно, ни минуты не откладывая, ехать, беседовать с ребятами, с их родителями. Да к тому же у меня еще несколько встреч в Днепропетровске.

На утро следующего дня было назначено собрание духовенства в епархии, и, как обычно, «безлошадных» батюшек нашего благочиния настоятель должен был забрать с собой на своей старенькой машине.

— Утром, в 6–6.30, буду здесь, в церкви, и повезу всех в Кривой Рог. А сейчас, — сказал мне отец Михаил, — поехали со мной.

Тут случилось удивительное: я категорически отказалась ехать. Это странно еще и потому, что наши совместные поездки — это единственное время наших довольно-

по редких общений, и я всегда с радостью была рядом с ним. В этот миг мой отказ был неожиданным и непонятным для меня самой.

В памяти навсегда остался батюшkin теплый, ласковый уставший голос, который прощался со мною как будто навсегда...

Меня потом многие спрашивали, что же я чувствовала в эти минуты. Нет, предчувствий никаких не помню. Осталась одна в своей келье, обложилась свежей литературой и наслаждалась духовным чтением и редкими минутами покоя. Но уснуть долго не могла, а часа в три ночи сон вообще покинул меня, и, поворочавшись в постели, я занялась хозяйственными делами. На душе усиливалась тревога, а когда утром отец Александр поинтересовался, не приехал ли наш батюшка, на глаза у меня навернулись нежданные слезы.

«Батюшки нет на земле, с ним что-то случилось», — билась во мне бесконечно мучительная мысль. И когда минут через 20 в церковном дворе появились две чужие машины, у меня уже не было сомнений: они привезли худую весть.

Вот как рассказал об этом моменте прихожанин нашего храма Владимир Малоок:

«Подъехали к нашей церкви, там уже началась служба, такой мир и покой, что страшно и сообщать тяжелую весть. Из крестилки, вижу, выбегает матушка Людмила, почему-то сразу все поняв:

— Я так и знала!

Батюшку размещаем в крестилке, и тут события приобретают необычайную быстроту. Приехали врачи на «скорой», родственники, какие-то люди. Мне уже нужно на работу, вижу, что все необходимое уже есть, и я ухожу, почему-то абсолютно уверенный, что с нашим

батюшкой все будет в порядке. Мою уверенность не поколебали даже распространившиеся в городе слухи о его смерти.

Я знал, что он жив, и был твердо убежден, что наш батюшка будет жить долго, ведь он нужен Богу и всем нам!»

Увидела я родного отца Михаила: неузнаваемого, всего в крови, голова в ужасающем состоянии.

— Ну вот, — сказал он, — до церкви доехали, а теперь можно и в больницу...

Далее события разворачивались, как в причудливом калейдоскопе: срочные действия медиков районной больницы, осмотры, повязки на переломы, зашивание открытых ран на голове и т. д. Но предчувствие говорит, что самое страшное еще впереди.

Эти первые часы бедствия были серьезным испытанием моего понимания христианства. Батюшка частенько и довольно крепко приучал всех нас к нестяжанию. Бывало, я по своей рациональной женской привычке ворчала:

— Ну как мы живем? Ни копейки на «черный день» нет.

А батюшка с постоянной своей усмешкой отвечал:

— Когда придет наш «черный день», Бог даст и возможность его преодолеть. Не кручинься попусту, — вот и весь разговор.

И вот пришел этот страшный день. Списки лекарств для начала лечения потрясают заоблачными ценами, а в моем кошельке только 3 гривны. Состояние же нашего батюшки все хуже, глаза черны от огромных гематом, голова начала распухать до неузнаваемости, дыхание становится угрожающе поверхностным. По тому, как забегали врачи, и по вскользь брошенной фразе —

«Перелом основания черепа» — поняла, что положение самое критическое. Батюшку немедленно забрали в реанимацию, из разговора с врачом Жанной Радченко поняла, что состояние его просто безнадежное. Аппаратуры в районной больнице для тщательного анализа повреждения мозга и операционных мер нет, а везти батюшку в Днепропетровск просто немыслимо — кому же нужен труп в машине? Аппарат искусственного дыхания с трудом поддерживает жизнь, временами батюшка теряет сознание, впадает в кому. Иногда из-под изувеченного века блеснет его пронзительный взгляд — в нем видна невыразимая мука боли и молитва. Вполне ясно я чувствовала, что эта тоненькая ниточка молитвы соединяет его с нашим миром.

Тем временем из Днепропетровска приехали сын, близкие друзья, врачи — вот тут я вспомнила слова батюшки. Именно в «черный день» начало появляться все необходимое для немедленного спасения умирающего.

В минуты, когда я ничем не могла помочь, у меня в руках был молитвослов. Опускалась в бессилии на колени, читала молитвы, а душа взывала: *«Господи, помоги, Господи, сохрани его!»* В это время молитва шла и в нашем храме, по окончании Литургии братия, прихожане, сменяя друг друга, без остановки читали Псалтирь, акафисты, молитвы. Троє самых страшных критических суток дверь в храме не закрывалась, желающих молитвенно помочь своему духовному наставнику было предостаточно. Когда удавалось улучить минутку, я обзванивала все монастыри, храмы, знакомых священников с одной просьбой — молиться о сохранении его жизни. Очень утешили слова владыки Ефрема:

— Матушка, за отца Михаила молится вся епархия, наши монастыри: и мужской, и женский.

Как важна была в эти трудные моменты моральная, молитвенная поддержка братьев и сестер во Христе. Они как бы брали на себя часть боли нашего батюшки, давали свою жизненную энергию попавшему в беду собрату. По этим молитвам и с помощью друзей из Днепропетровска прибыла специальная машина сан-авиации, прибыли две бригады врачей. Их вывод не слишком утешителен:

— Повезем, если «раздашь» его.

Томительные минуты ожидания заняты непрерывной молитвой: «Господи, помоги». И вдруг первая робкая надежда: задышал через трубочку. Везем в Днепропетровск: «Господи, помоги довезти!» Полтора часа на прямой дороги пролетели, как минута. Прием в областной больнице им. Мечникова. Быстро определяется степень повреждения, под рукой самая необходимая аппаратура! Картина обследования крайне неутешительная: переломы ноги, ребра, ключицы, а самое страшное — перелом теменно-височной кости, вдавливание кости внутрь, серьезный ушиб мозга. Батюшка в коме, операции откладывают — срочно в реанимацию.

Какое счастье, что в областной больнице есть церковь. Несмотря на довольно позднее время, служащий священник еще в церкви. Здесь нашего батюшку хорошо знают и любят, сразу же начинаем молитву. В душе на немыслимо высокой ноте звучит: «Господи, помоги!»

После окончания службы обсуждаем, как причастить батюшку, ведь через трубочку этого не сделаешь. Священник решил, что начнем с соборования. Из реанимации он вышел радостным: батюшка дышит уже самостоятельно, с трудом, но разговаривает. Сказал, что причастится завтра.

— Это отлично, — успокаивает священник, — что он решил причащаться завтра. Значит, до завтра-то уж точно доживет.

Какое оно будет — завтра?

Наутро дежурный врач обеспокоен, что батюшка неадекватен: хочет ехать на какое-то собрание; говорит, что должен забирать каких-то священников, везти их в Кривой Рог. Я горько улыбаюсь: если так, то наш исполнительный батюшка как раз адекватен, просто он живёт еще во вчерашнем дне. Как и было намечено, сегодня батюшка исповедуется и причащается. Объясняем ему, что он попал в серьезную аварию и ехать сейчас никуда невозможно. Его же деятельный характер никак с этим смириться не может, он предлагает разные фантастические планы: до Кривого Рога он и полулежа сможет доехать и вообще далее четверга ему болеть невозможно, так как в воскресенье — храмовый праздник. Это невероятное желание священника о многом говорит...

Уже на третий день его выписывают из реанимации, и начинается болиличная мука: состояние его тяжелейшее, но он требует надеть подрясник и скуфью, есть категорически отказывается, пьет только воду из крымского источника целителя Пантелеимона.

Помню, как в какой-то момент вдруг увидела, что дыхание батюшки становится совсем поверхностным, прерывистым. Тихо беру его за руку, поглаживаю. И вдруг слышу, как он мне явственно и четко говорит:

— Матушка, родная, давай прощаться; я ухожу.

— Куда же, милый?

— Мне нужно собираться, — продолжает, — я ухожу на вертикаль. Ты же видишь — все собрались, меня ждут.

Я вся сжалась и продолжаю держать его за руку, а она стала совсем слабой, безвольной. Присутствовавшая при этом посетительница с ужасом спрашивает-утверждает:

— Матушка, он умирает!..

Не знаю — как, но я опять остро почувствовала, что его здесь нет. Трудно сейчас сказать, сколько это продолжалось, но слышим — глубокий вздох и слабое пожатие руки говорит: нет, не умер, жив. Через некоторое время громкий, несколько суровый его голос приводит меня в чувство:

— Ну зачем же ты меня держишь, матушка, отпусти меня. Плохо мне здесь, очень плохо... Мне нужно собираться вверх... все собирались, ждут меня... Посмотри, неужели ты не видишь?

Но я держу его руку и тихо шепчу всякие добрые слова, боясь, что, если я замолчу и отпущу руку, он действительно уйдет. Рука становится совершенно неподвижной, я с ужасом смотрю на затихшее тело. В этот момент его сотрясает, как бы от судороги или от удара, и, открыв глаза, батюшка строго выговаривает мне:

— Ну вот сидишь, смотришь, а не видишь, какое «зверье» вокруг собралось?

Жутко стало от таких ясных слов — я хватаю молитвослов, начинаю читать Покаянный канон Иисусу Христу и слышу радость батюшки:

— Вот как хорошо, разбежались, боятся молитвы...

Позже у батюшки начинались осложнения, поднималась высокая температура, все это вызывало бред. Но я убеждалась, что это совсем другое состояние, отличное от того, которое я наблюдала в этот день. Во время бреда его спутанное сознание то переносило его на службу в церковь, то он становился участником каких-

то невероятных боевых действий и т. д. Любопытно, но в один из таких моментов он сильно напрягся и несколько раз громко и настойчиво повторил:

— Я священник, стрелять не буду.

Позже, придя в себя, он делился, что сознание переносило его в какие-то места (похоже — в Чечню), в обстановку реального боя. На их группу шла «вертушка», ему в руки давали оружие, кругом кричали:

— Батюшка, стреляйте, вертушка на нас идет!

Но даже в момент бреда душа священника сохраняла контроль над собой — понимая, что убить он никого не может. Меня в такие минуты никогда не посещало ощущение его отсутствия. Он, весь израненный, разбитый, находился на больничной койке, и мы вместе боролись с недугом...

В этой борьбе нам помогали духовные чада батюшки, друзья и даже малознакомые люди. Были и грустные примеры предательства, когда отворачивались сильные, здоровые люди, делая вид, что ничего не случилось. Ну да Бог им судья! А в действительности боролись очень многие — помогали в оплате палаты, в заботе о питании, в приобретении столь дорогих лекарств...

До слез поразил мужчина, напоминающий бомжá. Выложил он из кармана копейки и гривны и сказал на недоуменный вопрос:

— Я обычно побираюсь у Троицкой церкви. Услышал, что с батюшкой нашим такая беда случилась, не могу я быть в стороне — он, когда идет мимо, всегда доброе слово скажет, да и денежку даст. Он выздоровеет, матушка, обязательно!

Я почему-то со слезами вспомнила про трогательные евангельские две лепты вдовицы...

Как-то ранним утром в дверь робко постучали, и на пороге палаты предстали две пожилые прихожанки — наши милые бабушки. Выехав из Верхнеднепровска почти ночью, после долгих поисков нашли своего настоятеля. Руки их оттягивали тяжелые сумки — в них было все, что, по их мнению, может понадобиться в больничных условиях, чем можно поддержать батюшку и матушку. Со слезами на глазах смотрю на молоко, творог, яйца, яблоки, варенье — ведь они от своего скучного достатка оторвали. А мешок с коржиками и пирожками столь внушительных размеров, что нам его просто не одолеть, — пошел на поддержку всего отделения.

Тихонечко расспрашивая меня обо всем, бабушки кротко, терпеливо ждут пробуждения батюшки. Какая же радость на их лицах, когда, открыв глаза, он их сразу же узнает, благословляет. Тихонько ухожу из палаты, чтобы дать им возможность пообщаться. Выходят со слезами на глазах, но счастливые — поедем, расскажем, что жив наш батюшка и служить будет, а мы будем продолжать молиться о его здоровье. Смотрю им вслед с благодарностью. Сколько же они вынесли в своей жизни! Их память хранит всю историю жизни родной церкви. Не раз они рассказывали, как страшно было, когда взорвали в нашем городе храм, как они брали своих детей и ехали далеко в другую церковь. Ночевали на вокзалах на полу. В разговорах мелькают знакомые, родные имена священников: отец Константин, отец Павел...

Сохранили эти бабушки в себе простую, по-детски чистую веру, которую не поколебали ни лихолетья, ни новые раскольники-филаретовцы; не соблазняются они и сектантскими заморскими подачками.

— Это наша церковь, — постоянно слышим, — это наш настоятель, и нам ничего другого не надо. Вместе переживем все беды и трудности.

После соприкосновения с этими чистыми душами какими несостоятельными кажутся жалобы многих образованных людей, что нас, мол, не учили вере, не воспитывали в православии, поэтому мы не знаем, где истинная вера. Как же не знасте — вот она, в наших отцах, дедах. Только захотите увидеть — и увидите, услышать — и услышите...

Уже к концу первой недели батюшка попросил отменить сильные обезболивающие уколы, которые, принося облегчение от боли и спасительный сон, погружали его в фантастические сновидения без активной борьбы за жизнь.

Тем временем из Верхнеднепровска приходили известия, что батюшку уже дружно похоронили, находились даже «очевидцы» и «участники поминок», хотя были и обиды, что его «похоронили тайком», чтобы не делать поминальный обед. Нужно знать особенности нашего провинциального городка, где очень часто выдумку выдают за действительность, а недостающие детали придумывают на ходу. Зная все это — не обижаемся, а воспринимаем с жалостью и любовью.

Чувствовалось, что наши прихожане в некоторой растерянности, смущаются и переживают, что владыки Ефрема на храмовом празднике не будет. Сложностей хватало, и я поняла, что нужно ехать на приход. Верные друзья со школьных лет были столь надежны, что я не побоялась оставить на них батюшку, еще такого беспомощного.

Дорога домой была знакома до мельчайших подробностей: сколько раз мы с батюшкой здесь проезжали... Остановилась на месте аварии. Работники ГАИ говорили, что эти места очень плохие, уже 8 жизней здесь окончили свой путь. Стоит синий капот на месте гибе-

ли молодых ребят в прошлом году, и буквально в нескольких метрах — «батюшкино» дерево. Вокруг разбитое стекло, какие-то детали, осколки фар, изуродованный белый капот. Сейчас на дереве прибита икона. Осматриваюсь и удивляюсь: место чистое, открытое, дерево одиноко стоит в стороне, ни растительности густой, ничего особенного...

Почему-то память воскрешает события более чем десятилетней давности. Мне, полностью погруженной в мирскую суету, довольно успешную карьеру, благоустраивающей новую, недавно полученную квартиру в престижном районе, мой родной и любимый Мишенька сообщает, что ему предлагают рукополагаться в священнослужители. В наших семейных отношениях все, что было связано с его работой (труд в ракетном конструкторском бюро и ЮМЗ, увлечение живописью, работа с дворовыми детьми, а теперь полное погружение в церковную жизнь), было самым важным и нужным. У меня никогда не возникало ни малейшего протеста. Единственно, что мне было совершенно неясно, как это все отразится на моей работе, на моем образе жизни. Встреча с секретарем епархии протоиереем Константином, ныне покойным, особой ясности вроде бы и не внесла, но успокоила. Задав мне много вопросов на самые различные темы: об образе жизни, о моей работе, о моих занятиях, о наших с мужем отношениях, он по-доброму улыбнулся и сказал мне:

— Матушка из тебя, надеюсь, получится, а что в себе менять — сама увидишь, Бог все подскажет.

Не знаю, хватило бы у меня тогда смирения, если бы я знала, что мне придется отказаться от любимой работы, благоустроенного быта, устоявшегося круга общения, стабильной материальной обеспеченности, а

взамен получить... собственно говоря, ничего материального и ощущение надежды только на Бога да силу молитвы. Но профессиональные знания, умение работать с людьми — пригодились. Ведь церковный приход — это люди, и люди весьма разные. Я поняла, как много нужно знать матушке, чтобы суметь им хоть немного помочь, как нужно держать в узде свою гордыню, свое «я». Не раз на собственном горьком опыте приходилось убеждаться: допусти малейшее отклонение от заповеди «не осуди» — и возможен конфликт среди прихожан.

Стыдно вспоминать, но в те далекие годы я сама себе поначалу казалась такой подвижницей, церковной труженицей, мне так хотелось людского одобрения, а его все не было... Чаще наталкивалась на зависть, злобу, клевету. Исповедуясь у старцев, я искала ответ, почему же так, перерывала горы литературы. Конечно, сейчас пришло понимание, что делать-то нужно все для Бога, страшиться его оценок, а люди все такие же немощные, как и я...

Храмовый праздник прошел омраченный бедой, но и освященный надеждой на выздоровление батюшки. В такие минуты я вдруг убедилась, как много людей любят его.

— Он наше солнышко, от него свет идет; ему невозможно отказать, когда он просит что-то для храма; без него так пусто, — говорили люди.

Таких утешительных, непомерно щедрых слов было даже слишком много, вряд ли эти похвалы были благодатны для батюшки, скорее — наоборот.

Меня же волновали вопросы более глубокие: «Что мы должны понять, в частности я? Чему нас учит этой бедой Господь?»

Вижу, что прихожане сплотились, все лишнее, фальшивое отпадает. Молодые батюшки в районе без bla-

гочинного повзросли... Что же еще? Мои испытания были еще впереди.

Только на одиннадцатый день лечащий врач сказал, что угроза для жизни батюшки миновала. Жить будет. На мой немой вопрос, а в каком же состоянии будет протекать эта жизнь, покачал с сомнением головой: лечение идет хоть и быстро, но очень трудно. Появляются некоторые улучшения, а затем наступают провалы. Повторная томография показала пять точек опаснейших кровоизлияний в мозге. Реальный теоретический диагноз: «*возможна смерть или же нарушения функций деятельности мозга*» и пр.

Но самое главное, батюшка слишком много сил тратит на борьбу с ужасающей болью, все тело его как бы пропущено через мясорубку, просто нет живого места. Даже самые простые для здорового человека вещи: умыться, поесть — для него невероятно трудны.

Я заметила, что чувствительность батюшки необычайно обострилась, это касалось не только болевых ощущений, а и слуха, чувства времени, ощущения каких-то действий, происходящих на расстоянии.

К примеру, у нас остановились часы, и я огорчилась, ведь лекарства нужно принимать точно по часам. Батюшка недоуменно говорит:

— Отчего же ты не слышишь колоколов, ведь сейчас 7 часов утра, в нашем храме звонят!

Я удивилась: ведь больница находится за 70 километров от нашей церкви! Каково же было мое удивление, когда я сразу после разговора увидела в больничном коридоре часы, показывающие ровно 7.00. У него все время была удивительная связь с обителем: слышал молитвы, службы, колокольные звоны. Вначале батюшка не понимал, что все это слышит только он, и не раз делился впечатлениями:

— Как хорошо сегодня поет детский хор, ты слышишь?

Увидев, что это вызывает у людей недоумение, он несколько замкнулся, но в такие минуты по его удовлетворенному выражению лица я видела, что какие-то его чувства и ощущения мне недоступны.

Еще большее мое удивление вызывали сообщения батюшки о скором приходе дочки Машеньки с детьми или кого-то из близких людей за 10–20 минут до их появления. Эта особенность сохранилась у него и после выписки из больницы, но он старается ее не демонстрировать.

Узнали, что в субботу в нашей больничной церкви будет Блаженнейший Владимир (Сабодан), митрополит Киевский и всея Украины. Так хочется получить у него благословение. Врач разрешил, но очень боялся, что батюшка не в состоянии быть на службе, ведь он еще сидеть на кровати не может! За час до службы у дверей палаты была каталка, мы начали собираться. С великим трудом надели подрясник (удалось только на одну руку, другая — в корсете), батюшка торжественно целует свой крест, только вот скуфью надеть не можем, не налезает на изувеченную голову. С большой осторожностью перемещаем страдальца на каталку — если бы вы видели, какие это муки!

Слава Господу, сидит в сознании, улыбается! Спускаемся в церковь. На глазах батюшки — слезы, в руках свеча. В церкви прибывает народу. Настоятель отец Георгий с матушкой Еленой находят время устроить батюшку в самом удобном месте, подбадривают и поддерживают его.

И вот Блаженнейший Владимир в церкви, с ним Днепропетровский архиепископ Ириней, Крымский

владыка Лазарь, наместник Киевской Лавры, епископ Павел и другие люди, которых я не знаю. После молебна все гости подошли к батюшке. Блаженнейший с великой теплотой благословляет его, они о чем-то тихонько говорят. Я волнуюсь, не могу разобрать слов. Все проходит так быстро, как сон...

И вот мы опять в палате. Но батюшку не узнать — глаза ясные, появилась воля к жизни, сидит сам на кровати и просит есть. Слава Господу!

На следующий день врач отмечает радикальное изменение состояния нашего больного, повторные пункции не требуются, ясно видно, что он поправляется.

Как велика сила молитвы, благословения! «*Нет ничего равного молитве: она и невозможное делает возможным, трудное — легким, неудобное — удобным*», — писал свт. Иоанн Златоуст. Убеждаюсь в этом не только на примере отца Михаила. Наше нейрохирургическое отделение полно тяжелобольных, вечерами люди, ухаживающие за больными, собираются в коридоре, делятся своими трудностями. Они часто видели меня, спешащую на молитву в церковь. Весть о тяжелом пациенте — батюшке — быстро распространилась по больнице. Посыпались вопросы: куда это вы все время ходите, почему постоянно бывают священники? Стараюсь по возможности все объяснить. Об одной девушке, сбитой машиной, мать просит помолиться, т. к. по ночам всех мучают дикие крики этой страдалицы — Катюши. Девушку причастили, заказали сорокоуст, через несколько дней я услышала, что ночь прошла тихо, успокоилась Катюша. Мать подходит со словами благодарности, объясняю ей:

— Не меня, а Бога благодарите всю оставшуюся жизнь.

Вглядываюсь в глаза матери — неужели не поймет, что облегчением в бедах ее дочери Господь призывает ее в церковь, к молитве. Дай Боже ей веры!..

И вот мы уже и дома, в родном храме. Конечно, батюшка слабенький, но он движется самостоятельно, мыслит, видит, слышит и говорит! С великой радостью в этом убедились наши прихожане.

С большой теплотой вспоминает об этом Елена Слюсар:

«...Был праздник Чуда Архистратига Михаила. Для меня тот день выдался весьма трудным. С начала службы я стояла, словно мертвая духом, и терзалась негодной мыслью — протестантскими рассуждениями о поклонении иконам. Опять пришли на память слова пророка Исаии о поклонении идолам, различным изображениям. Не нарушают ли мы одну из заповедей Господних? И вместе с этими мыслями ушла из сердца любовь, остались в нем лишь горечь и пустота...

К концу службы вдруг, к великой радости, из больницы вернулся наш настоятель, протоиерей Михаил Овчинников. После аварии во всей его согбенной фигуре и немощном голосе чувствовались последствия тяжких телесных мук. Но вместе с тем появилось в нем и что-то совсем необычное — отблеск иного, неземного мира, отблеск какого-то внутреннего света, прикоснуться к которому сподобил его Господь! Ощущалась какая-то тайна в глазах, радость неведомого нам нового знания. Я вдруг ощутила, что он как бы знает то, во что мы только верим, вернее, часто хотим верить, но наши обычные заботы о мирском, наши грехи не дают нам этого сделать. Я потом, в разговорах с прихожанами, убедилась, что отблеск этого света был виден многим. Он как бы озарял нас всех. Мы ощущали, что любовь Божия пребывала на нем и на всех нас...

Во время причастия, когда пришел момент принятия Христовых Таин, я вдруг ясно ощутила присутствие Господа и тепло, исходящее от центральной иконы над Царскими вратами. Христос как будто Сам лично причащал всех нас. Сразу же все стало на свои места — наша вера правая! Господи, ипошли нам веру такую, чтобы не колебались наши мысли и чувства!»

Сразу же по приезде отец Михаил произнес краткую проповедь, выступил в нашей церковной телепередаче, принял участие в службах. Но как же мало у него сил осталось!.. Острее всех, наверное, это ощущаю я. Такие боли во всем его измученном теле; вижу, что иной раз он просто шевельнуться не может.

В первой книжке этот раздел — о возвращении к жизни — был сокращен, за многоточием было много недосказанного. Наверное, я бы так и не смогла столь откровенно открыть свою душу для всех читателей, пустить всех в свои сокровенные переживания, если бы не молодая паломница, беременная четвертым ребенком. Она с болью рассказала мне о том, что любовь ее мужа куда-то исчезла, угасла и жизнь потеряла всякий смысл. И мне показалось, что самый лучший совет этой женщины — рассказать, как подобную ситуацию ты пережила сама.

Придется вернуться почти к началу нашей службы в Верхнеднепровском приходе (пишу «нашей», так как пришлось отказаться от «самовыражения», профессиональной работы и стать просто помощницей во всем, что делает батюшка на приходе). Как всех неофитов, в начале пути к Богу нас терзали мысли о том, как можно лучше угодить Господу. И вот в этих размышлениях родилась мысль принять вдвоем постриг и подвизаться в монашестве. Так как такие решения самостоятель-

но не принимаются, отправились мы за советом к правящему архиерею. Долго он с нами беседовал: о нашей жизни, отношениях, о детях и внуках. Вывод его был однозначен: для спасения души крест супружества не ниже креста монашества.

— Возле благочестивых батюшки с матушкой могут спастись и другие, трудитесь на приходе!

Мы с батюшкой больше никогда не возвращались к обсуждению этой темы, хотя и любили молитвы, жизнь в обителях, часто ездили по различным монастырям.

И вот после аварии это желание у батюшки появляется вновь, но совсем по-иному, чем прежде. Дело в том, что одним из последствий травмы было проявление раздражительности, вплоть до агрессии — по отношению ко мне. Это состояние было столь глубоким, что отец Михаил просто не мог меня видеть и слышать. Врачи называли это какими-то мудреными словами: посттравматический синдром — и предлагали глушить это чувство довольно сильными лекарствами. Не одна ночь размышлений, слез и молитв привела меня к мысли, что главная причина этого состояния кроется глубоко в его подсознании. Находясь между жизнью и смертью, его душа коснулась чего-то неизмеримо прекрасного, где он мог бы пребывать, если бы не я. Ведь я держала его за руки, я просила его не уходить. Кто знает, если бы не моя настойчивость, моя молитва, может, все было бы по-другому...

А дальше? Ведь это я буквально заставляла его глотать пилюли, пить воду, просто открывать глаза, переворачиваться, поднимать руки, шевелить ногами. Все это было сопряжено с непереносимой болью. Выходит, это я заставляла его переживать эту боль вновь и вновь. Очевидно, и появилось в его душе это чувство: там, где

матушка, — там боль. И выливалось все это в полное неприятие меня не как любимого человека, жены, а просто как личности, угрожающей чем-то непереносимым, от чего просто хотелось бежать. Для «побега» он знал только один путь — монашество. По его требованию я все приготовила: клубок, мантию... Больше всего я страшилась, что он сделает этот шаг поспешно, до конца не осознав себя на этом новом поприще. С помощью друзей удалось убедить его поехать в места, хотя бы немноги приближенные к тому, к чему он стремился.

Топловская обитель, любимое место нашего пребывания, знакомые, христиански любящие люди — что может быть лучше для израненного человека, с трудом передвигающегося с палочкой, плохо видящего, не способного даже поднять руки, чтобы причесать волосы... Собирала психитрые пожитки батюшки. Мысль о том, что, может быть, не придется мне этого больше для него делать — мучила, вызывала слезы. Но я крепилась...

Чтобы восстановить батюшку и физически и духовно, по благословению епископа Ефрема, отправляем его на святую Крымскую землю в женский монастырь Параскевы в горном урочище Топлы с чудотворными источниками святой преподобномученицы Параскевы, Трех Святителей, Георгия Победоносца...

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Неугасимая лампада — Топловский монастырь

Эта глава — скромная попытка рассказать об одном из святыших мест земли Крымской — Топловском Свято-Параскевиевском женском монастыре, который сыграл столь значительную роль в моем возрождении к жизни. Низкий христианский поклон всем, кому небезразлично это благодатное место, ставшее неугасимой лампадой, радостью народа Божьего.

Впервые мы с матушкой попали в этот монастырь, возвращаясь из города Старый Крым после престольного праздника. Протоиерей Владимир Карпец рассказывал, что монастырь только что передали верующим и там отслужена первая Литургия под открытым небом. По дороге он показал нам руины армянской церкви во имя святой Параскевы, рассказал, что в древности она весьма почиталась в этих местах и ей посвящены храмы возле деревни Орталан (ныне село Земляничное) рядом с Генуэзской крепостью города Судака. Свернув

с Феодосийской трассы, попадаем на узкую горную дорогу: справа крутые откосы урочища Топлы, а слева круча, ведущая в монастырь.

Машина выныривает из прохладного леса на большую пыльную площадь. Сквер и дорожки усердно метут женщины в темных одеяниях — послушницы или монахини. Встречают приветливо, отца Владимира здесь хорошо знают. Рассказывали нам о почти 140-летней истории монастыря, его былом процветании и безжалостном разрушении после кровавой октябрьской беды. Чего тут только не было — даже совхоз «Безбожник», который доламывал созданное трудом монахинь. Последним «хозяином» разрушенных монастырских строений был пионерлагерь «Тополек», в здании храма размещались бильярдный и спортивный залы.

Великие святыни были здесь прежде. С Афонского монастыря была дарована частица Честного Животворящего Древа Креста Господня, частица мощей св. преподобномученицы Параскевы и св. великомученика и целителя Пантелеймона. Граф Н. Ф. Гейден подарил обители крест с мощами Киево-Печерских угодников и древнюю семейную святыню — Казанскую икону Богородицы. Святыни эти пропали после ограбления монастыря в 1919 году частями Красной армии. Но главная святыня — источник св. преподобномученицы Параскевы — и по сей день дает исцеление и утешение многим людям.

Идем по территории. Состояние зданий удручающее. Почему-то особенно впечатляет черно-зеленая дверь — вход в зимний храм — жалостно повисшая на одной петле. Ободранные стены келейного корпуса, выдранные розетки и даже провода, сбит кафель. Не верится, что недавно здесь находились люди. Кстати,

некоторые из них и по сей день продолжают жить в зданиях, уже вроде бы переданных монастырю. Трудно в этих условиях понять, где кончаются мирские жилища, а где начинается монастырь. Молодежь с пьяным криком, хохотом собирается в аллеях монастырского парка: грохот мотоциклов, рев неистовой музыки на святом месте... Как все это было нехоже на традиционную тишину и покой монастырей, которые нам довелось посещать ранее. Трудно даже представить весь ужас происходящего.

Однако сестры обители не скорбели, а, наоборот, с радостью говорили, что Бог милостив и источник святой Параскевы не иссох, в нем есть благодатная вода. Подошли к колодцу, закрытому сгнившей деревянной крышкой. Но вода там, действительно, изумительно вкусная, холодная даже в жаркий летний день. А сестры продолжали с увлечением рассказывать, что вот здесь, над источником, была и непременно будет снова часовня, а рядом — закрытая купальня для паломников.

Смотрели мы на изувеченные церкви без крестов и понимали, что только вера и милость Божия смогут превратить это стойбище беспутного двадцатого века в Божию обитель.

После первой встречи посещали этот монастырь неоднократно и видели, что чудеса происходили одно за другим. По милости Божией восполнена утраченная святыня: крест с мощами Киево-Печерских святых — дар архимандрита Василия (ныне — владыки Василия, архиепископа Запорожского).

У источника св. преподобномученицы Параскевы открылась благоустроенная купальня. На другом чудотворном источнике — святого Георгия Победоносца

устроена купель и поднята небольшая церковь, а еще дальше в лесу — источник Трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого. Молитвенная радость соприкосновения с этими живоносными источниками у паломников столь велика, что окунаются в эти святые воды даже в зимнее время.

С самого основания монастыря Крымские архипастыри никогда не оставляли его своим попечением, и по сей день сохраняется эта традиция. Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь много сил уделяет возрождающейся обители, разделяя монастырские радости и горести.

А проблем и трудностей хватает. Жизнь в монастыре — это постоянный труд, труд духовный, молитвенный и труд физический. Как же изменилось все в обители за эти последние, благодатные годы, однако вполне очевидно, как много предстоит еще сделать, чтобы достичь того прежнего, процветающего уровня. Но трепетная молитва и самоотверженный труд совершают такие чудеса, что ранее это казалось просто невыполнимым.

Заезжаем сюда каждый год, служу на престольный праздник преподобномученицы Параскевы. Восстановлены церкви во имя святой Параскевы и иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». На разрушенном монастырском кладбище нашли мраморное надгробие с могилы игумении Параскевы, устроили часовню.

Крепкие духовные традиции обители, где никогда не отказывали в приюте и пище странникам, богомольцам, болящим, возрождаются в восстанавливаемой обители — и я становлюсь одним из тех, кому молитва и тепло христианской любви, чудодейственная вода ис-

точника святой Параскевы позволяют не просто выжить, а практически восстановить свое духовное и физическое здоровье.

«Радость моя, матушка!..»

Рассказывает матушка Людмила:

Отправив батюшку в монастырь святой мученицы Параскевы, на чудотворные источники, возвратилась домой и впервые в жизни ощутила, что полностью отдаю себя на волю Божию. Нет сил и желания ничего хотеть, ничего делать, и, отстранившись от всех дел, я молю Господа: «*Пусть все будет по Твоей воле, как Тебе угодно...*»

Отослала в монастырь письмо. Написала все, что на душе, что необходима полная ясность в отношениях, особенно при принятии важных решений:

«Благослови, батюшка!

Сижу над чистым листом бумаги и не знаю, с чего начинать, хотя письмо это писала в мыслях не единожды. Наверное, впервые в жизни я не знаю не только что делать, но что и как оценивать. Это касается и тебя, и меня, и наших чувств. Ответ на вопрос о моих чувствах к тебе — вся наша жизнь. Для меня сейчас все загнано в какой-то тайник души, и, дай Боже, пусть все там находится. Иначе дашь волю своим чувствам — и хочется завыть: за что ты меня оставляешь? Хотя я пережила первоначальный шок и обрела в какой-то мере здравый рассудок, что позволило мне уйти от сугубо мирских переживаний и посмотреть на все со стороны.

Я ничего не хочу решать и ни по какому вопросу не имею своего мнения, я ни во что не вмешиваюсь. На

все воля Божия. Прошу ясности у Господа, узнать, в чем и когда Его воля. Больше всего я страшусь своими слезами и эмоциями повлиять на твое решение. Если ты, разобравшись в себе, поняв глубинные движения души, применить решение по воле Божией — это будет правильно и справедливо для всех.

В бессонные ночи я осознавала, что все наши труды в мирской жизни и попытки служить Господу преследуют только одну цель — спасти свою душу и помочь это сделать тем, кто рядом. Читали мы с тобой много — пути есть разные. Приблизит ли постриг к Богу? Не будет ли в этом только внешняя сторона? Готов ли ты отречься от мира полностью? Твоя четкость и определенность в значительной степени облегчит нам всем существование во всех смыслах. Хотя что я об этом знаю, исследуй свою душу, совстуйся с духовными людьми и поступай, как велит тебе Господь.

Твои просьбы я стараюсь выполнить (клобук, мантия, рубашка), но параман я сама сделать не могу, попроси в обители вышить.

Все твои близкие передают тебе поклон и слова любви. Благослови, батюшка, на терпение и выдержку».

Буквально через неделю получаю из Крыма от отца Михаила письмо:

«Родная матушка Людмила!

Сразу вслед за твоим отъездом из монастыря возникло желание отправить вдогонку короткое послание. Молю Господа, чтобы Он утешил твои слезы расставания. Да и я, старый, раскис, закапало из очей. Сложные ситуации обостряют чувства. Как много нам сказали эти минуты, обоим нам стало ясно, что в душах наших отсутствуют даже капельки взаимной досады, раздражения. Я не ошибаюсь? Только душевная теплота и лю-

бовь Христова. Молю о вечном сохранении этих чувств. Говоря о вечности, я имею в виду не только земные годы, отпущеные нам Богом, но и ту восхитительную жизнь, на которую я сподобился глянуть буквально одним только глазочком!

Беру себя в руки, планирую постоянные пешие прогулки, шевелить себя я обязан постоянно. Около часа кружил по лесным красивейшим массивам, устают побитые кости. Шел, невольно искал тебя глазами, раздумывал и укорял себя за слабое христианство: ведь наши души едины, наши чувства друг к другу — это же путь к вечности. А ощущение того, что здесь, на земле, наши тела находятся далее видимого расстояния, уже приводит к страданиям, причем не очень-то христианским. Правда ведь, радость моя? Укрепи тебя Господь!

Передаю поклон и безграничную любовь ко всем вам, желаю крепости, спокойствия и любви. Тебя, родная, крепко обнимаю, по-христиански целую. Храни Вас всех Господь!..».

Вслед за этим — звонок с родным голосом, который, честно говоря, после болезни просто не узнать — совсем как до аварии, бодрый, энергичный, теплый и ласковый. Сообщил, что начал писать заметки об этих событиях, встречался с разными людьми и убедился: книга необходима — людям очень важно узнать о необычных ощущениях, свидетельствах из Горнего мира. Батюшка уже принимает участие в богослужениях в Топловской обители — это для него большая радость. А затем — новые письма:

«Радость моя, матушка Людмила!

А также мои ненаглядные детки и чудесные внуки, — мир вам!

Провел несколько дней в Старом Крыму, служили вместе с любимыми мною протоиереем Владимиром и архимандритом Филиппом. После службы обсуждали много вопросов. Архимандрит не благословил тревожить тебя немедленными решениями. Речь идет не об отказе от монашества, а о том, что это должно произойти не просто по нашему разумению, а когда благословит на это Господь. А пока, родная матушка, нам, без всякого сомнения, трудиться вместе! Кстати, Феофилакт, архиепископ Болгарский, в Толковании на Евангелие от Матфея (стр. 166) замечает, что «брак не препятствует добродетели, ибо первый из апостолов (Петр — мое уточнение) имел тещу».

Дел у меня здесь много: постоянные богослужения, уже самостоятельно отслужил первую Литургию (счастье великое!), продолжаю писать книгу, постоянно встречаюсь с людьми, приезжающими в обитель. Стараюсь останавливать «ахи и охи», ведь наш народ так горазд возводить себе идолов. Крещу людей с полным окунанием в купель святой Параскевы — это так прекрасно.

Жду писем от вас, мои ненаглядные и благословенные, а также вашего приезда. Храни вас Господь!»

«Матушка, радость моя!

Счастлив, что получил твое письмо. Мне, вспыльчивому и часто непредсказуемому, так не хватает обстоятельного общения с тобой. Ну, давай по порядку.

За время, проведенное здесь, я еще раз понял, что не могу без тебя — это все равно, как мне дыхание отключить или кровеносное давление сбросить. Я постоянно вспоминаю твою фразу в письме о «нашей жизни». Да, ответ сейчас вполне ясный: мне нужна эта наша жизнь, наши совместные дела и заботы, наши детки и внуки с

внучками. Правильно ты говоришь о воле Божией. Причем Господь исполняет Свою волю нашими реальными действиями, нашей ответственностью. Вот это чувство я и стараюсь не потерять ни перед тобой, ни перед Церковью. Твердо понимаю, что в мои годы, да еще с такой травмой — я уже не лидер, не тягач, но помочь, наверное, во многом смогу. Постоянно размышляю о моем, а точнее сказать, о нашем месте в жизни. Формы монашеской жизни могут быть самые разные. Эти размышления мы будем продолжать только вместе.

Я здесь ушел от мирского натиска — это сейчас для меня столь желанно и необходимо. Никогда мне не было так спокойно, как сейчас в Топловской обители: богослужения идут постоянно, никого уговаривать не нужно, жизнь, службы в чистом горном воздухе, работа с литературой, духовные встречи с людьми — настоящая роль священника, духовного лица. Этого мне так не хватало, как, впрочем, и многим настоятелям приходов, перегруженным хозяйственными заботами.

С христианской любовию и радостью. Храни вас всех Господь!»

Дорогие и горячо любимые мною отец Владимир с матушкой Натальей из Севастополя, матушка игумения Параскева, одесский архимандрит Филипп, как я вам благодарна за ваши труды и заботы о батюшке Михаиле! Ведь на этом отрезке сложного пути вы смогли вдохнуть в него силы, желание трудиться, буквально собрали его душеньку и скрепили настоящей христианской любовью. Я вижу и чувствую, что болезнь прямо на глазах оставляет шрамы только на теле, а душа чистая, ясная, и батюшка готов трудиться на благо Церкви.

Затем еще письма, звонки, и радостный родной голос сообщает: «Матушка, изменения у нас еще будут, но

все будет гораздо позже, мы вместе будем принимать ответственные решения. Духовный наставник благословил не волновать тебя и беречь. Ты нужна и мне, и людям».

Ну вот ведь как все вроде бы и просто получается...

Нусть будет все, как Господу угодно!

«ЖИВИТЕ, КАК БЫ ЕЖЕДНЕВНО УМИРАЯ»

*Православный анализ событий,
происходящих с душой во время смерти*

«Мы, живые, учимся жизни у наших дорогих умерших...»

Рассказывая людям о том, что произошло со мной, я изредка замечал слегка прикрытый холодок усмешки в глазах маловерных. Чтобы убедить их и им подобных, хочу привести цитату из «Слова об исходе души...» святителя Кирилла Александрийского. Постарайтесь воздержаться от усмешек неверия и попытайтесь слова эти пропустить через свое сердце, душу — ведь каждый из нас неизменно тоже будет там. Бессмертных людей нет...

«Боюсь смерти, потому, что она горька... Боюсь тьмы, где нет и слабого мерцания света... Ужас объемлет меня, когда размышляю о дне страшного и непримятного Суда, о Престоле грозном, о Суде праведном... Боюсь мучений неправых.

Судия праведный не потребует ни доносителей, ни свидетелей <...> но все, что мы ни сделали, о чём ни го-

ворили, о чём ни думали, все обнаружит пред очами нас, грешных.

О горе мне, горе мне! Совесть будет обличать меня, писания свидетельствовать против меня. О душа, дышащая сквернами, с гнусными делами твоими!.. Праведен Суд Божий, потому что, когда меня призывали — я не слушался; учили — не внимал наставлениям; доказывали мне — я пренебрегал...»

Какие назидательные для каждого из нас слова! Недаром во многих монашеских кельях на стенах написано: «*Помни о смерти и вовек не согрешишь*». Какой глубочайший смысл в этой фразе!..

Жизнь и смерть — понятия более широкие и объемные, нежели мы обычно привыкли считать, ассоциируя эти состояния только с бьющимся сердцем человека, теплением крови в его венах или, напротив, с застывшим, похолодевшим телом недавно столь жизнерадостного друга, который отныне не сможет сказать нам ни единого слова. Вот что по этому поводу писал **священно-мученик Анатолий (Грисюк)**, митрополит Одесский:

«Воспоминая всех <...> умерших тружеников <...> мы возвышаемся до понимания истинной жизни, жизни отрешенной от всего условного, случайного, призрачного. Мы, живые, учимся <...> жизни у наших дорогих умерших <...> ибо то преимущество жизни, которым мы склонны <...> превозноситься перед ними, оказывается не только временным и непрочным, но иногда и совершенно мнимым.

Божественный тайнозритель в откровении слышал:

«И Ангелу Сардийской церкви напиши: так говорит Имеющий семь духов Божиих и семь звезд: знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Откр. 3).

Можно, следовательно, числиться в среде живых, а быть, в сущности, мертвым. Как и наоборот: наши воспоминаемые ныне усопшие хотя и мертвы, продолжают жить».

Глубокие мысли о нашем отношении к смерти мы находим в наставлениях преподобного Антония Великого:

«Живите, как бы ежедневно умирая» — это значит, что все наши житейские нестроения, душевые немощи врачаются, если мы ставим свою совесть как бы перед конечным Судом Божиим, «как бы умирая».

Слышим мы и глас апостола Павла, говорящего о своих пастырских трудах: «По вся дни умираю» (1 Кор. 15, 31).

О нем свт. Иоанн Златоуст сказал, что сей Апостол претерпел столько смертей, сколько по верованию жил дней.

И снова — размышления священномученика митрополита Анатолия (Грирюка): «Помолитесь, — усердно прошу вас, — чтобы <...> я мог вместе с Апостолом дерзновенно сказать: “смерть действует в нас, а жизнь в вас” (2 Кор. 4, 12)».

Как углубляют наши ограниченные мирские понятия о жизни и смерти рассуждения этих великих подвижников Церкви! Действительно, память о смерти способна преобразить всю нашу жизнь. Представьте — вам становится известно, что, скажем, сегодня в середине дня Господь вас заберет. Возникнет ли у вас желание сотворить какую-либо мерзость? Сомневаюсь... Ведь грешит человек, ослепленный бездуховностью, который старается не думать о том свете — лишь бы сегодняшний день прожить, услаждая свое тело греховными страстями...

Выше нашего уровня восприятия

Возвращаясь к увиденному и пережитому, мне хотелось почувствовать подтверждение этим чудесным явлениям, чтобы еще раз убедиться в своей непредвзятости, в том, что необходимо поведать об этом людям. Читая соответствующую литературу, я снова и снова находил подтверждения моему опыту у различных людей — ученых, богословов, медиков и т. д.

Мысль о реальности увиденного мира, возражая скептикам, утверждает и мыслитель, богослов **Нормант Винсент Пил** в книге «Сила позитивного мышления»: «Галлюцинации, сон, видения — я не верю в это, я слишком много лет опрашивал людей, которые были на краю «чего-то» и заглядывали туда. Они так единодушно говорили о красоте, свете, мире, что иметь какие-то сомнения невозможно».

С какой тонкостью покойный американский иеромонах **Серафим (Роуз)** описывает ограниченные возможности личности, вплотную соприкасающейся с Божией силой: «Будем <...> о таких возвышенных потусторонних опытах помнить, что они намного выше нашего низкого уровня восприятия и понимания и что они даются нам больше как намеки, чем как полные описания того, что на человеческом языке вообще не может быть описано соответствующим образом».

Имеются подтверждения этому и в Священном Писании: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9).

Итак, дорогие братья и сестры, не будем более тратить драгоценное ваше время, чтобы убедиться в реальности произошедших со мной событий. Лучше попро-

буем понять, что же или, точнее, кого же человеческая душа может увидеть в мире ином?

Священное Писание говорит о существовании множества могущественных духовных существ. Вот лишь некоторые места Писания, подтверждающие бытие святых Ангелов: Евр. 1, 4–5; 1 Тим. 5, 21; Ин. 1, 51; Мф. 26, 53; Деян. 7, 35 и т. д.

Есть у этих духовных существ метафизическое понятие языка: «*Аще языки человеческими глаголю и ангельскими*», — говорит апостол Павел (1 Кор. 13, 1). Их основная деятельность — прославление Бога, помочь в спасении грешников, радость даже об одной душе, обратившейся от греха (Лк. 15, 10). Число Ангелов весьма велико, и в Священном Писании есть указания на ангельское чиноначалие (Кол. 1, 16; Еф. 3, 10), а в книге Дионисия Ареопагита отмечается, что Ангелы разделяются на три отделения, в каждом из которых по три чина.

Но ведь кроме светлых Ангелов существует бездна темных ангельских сил. Это важно учитывать, так как действие злых духов на нас весьма велико и страшно для любого без Божией помощи. Священное Писание рассказывает о падении ангелов (Откр. 12, 4; Лк. 8, 30) и причине этого — грехе гордыни. Мы должны твердо знать, что есть духи злобы поднебесной — князя власти воздушной. Причем этот злой дух может действовать на человека так, как действуют на него предметы внешние, воздействуя на мозг и на низшие способности, на внешнюю оболочку души, а не на самую душу.

Злые духи способны обладать человеческими телами, вселяясь в них, но Спаситель дал всем верным власть изгнать бесов его именем посредством молитвы, очищаю-

щей душу, и поста, очищающего тело. Верный помощник в этом — Ангел Хранитель христианина.

На фоне постоянной молитвы

Понимая все это, осознаешь, насколько страшны и опасны все неведомые встречи и контакты с потусторонним миром; как важно понять, кто воистину стоит за ними. Ведь возможный собеседник, враг рода человеческого, способен на всяческие фантазии, мистификации, ложь — это его сущность. В те тяжелые минуты ухода из жизни, насколько я помню, я постоянно ощущал настороженность — ко всему, что со мной происходило.

После выздоровления я вместе со священниками, духовными наставниками тщательно анализировал все случившееся. Обнадеживает то, что все происходило на фоне постоянной молитвы. И по моим воспоминаниям, и по свидетельствам людей, находившихся все время рядом, в те тяжкие дни я даже в забытьи пытался читать молитвы. Я ощущал, как слова и песнопения богослужений, звуки молитв бережно поддерживали и сопровождали мою душу в моменты расставания ее с телом.

Хорошо помню, как в первые же мгновения ухода в мир иной душа явственно ощущала молитвы земных помощников: трехсуюточную непрерывную молитву духовенства, нашей Верхнеднепровской мужской обители, прихожан. Это были реальные, земные голоса моих верных друзей. И вот как-то плавно, постепенно эти голоса земные сплетались с голосами мира иного, переходили в ответное небесное богослужение. Снова и снова пытаюсь восстановить в памяти неземную кра-

соту этих песнопений, неповторимые ощущения Божией благодати.

Думается, что бесовские ухищрения никогда не вынесут такого молитвенного натиска, имитировать свое участие в нем они тоже не смогут: ведь оружие в борьбе с диаволом — пост и молитва. Интересно и то, что мой организм в эти первые десять дней, без всякого разумного приказа с моей стороны, находился на строгом посту, потребляя только освященную воду из источников святой преподобномученицы Параскевы и целителя Пантелеймона.

Вот эти факты, наверное, говорят о том, что открывшиеся события и явления, скорее всего, имеют благодатный характер. Говорю это не от себя. К такому выводу пришли многие близкие мне, духовно гораздо более опытные клирики.

Но писать об этих трагических событиях было для меня очень нелегко, а если бы не особая милость Божия — то и вообще невозможно. И не из-за того даже, что слишком обостренно воспринимаешь происшедшее так недавно, куда более тяжело земными понятиями поведать людям о дивных событиях за чертой жизни, описать потусторонний мир неописуемой красоты. Кажется, невозможно подобрать слова, чтобы описать то, что многие люди не видели ни разу!

В целом Господь закрыл от человечества тайну загробной жизни, но по нашим молитвам, по вере христианской появляются какие-то очертания этого дивного мира. И конечно, каждому думающему православному читателю важно для себя лично хоть немного приоткрыть эту завесу, представить свой путь и участь, столь крепко связанные с личным покаянием, с жизнью по заповедям Божиим.

По этому поводу хорошо сказал иеромонах Серафим (Роуз), блестящий ученый и молитвенник: «Этот процесс (изучение загробной жизни), который начинается сейчас, в этой жизни, а завершается в вечности, где мы «лицо к лицу» будем созерцать то, что сейчас видим «сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор. 13, 12)».

Как близки показались мне слова Иоанна Кассиана: «Милосердный Господь да дарует читателям этого слова помнить смерть во время земной жизни: памятованием ее, умерщвлением себя ко всему суетному и жизни для вечности отстранить от себя лютость смерти, когда настанет час ее, и перейти в жизнь блаженную, вечную, истинную жизнь».

И я заново пережил любимые мною строки схиигумена Саввы, как некий молитвенный вопль покаяния:

Порою, в минуту души просветления,
Заглянем глубоко-глубоко в себя...

И вырвется вопль из груди, как моленье:
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

И леность, и немощь, и нету усердья...
Вся жизнь в суете исчезает моя,
Одна лишь надежда — Твое милосердье:
Помилуй мя, Боже, помилуй меня!

Рассеянье мысли, ума ослепление,
Забвенье о цели сего бытия,
Какая-то хладность ко делу спасенья...
Помилуй мя, Боже, помилуй меня!

Как слабо, бесплодно бывает раскаянье;
Лиць только пробьется живая струя,
Как снова доводят грехи до отчаянья...
Помилуй мя, Боже, помилуй меня!

Помыслю ль о часе души разлученья:
Какая загробная участь моя?..
Увы мне! Страшусь я суда и мученья –
Помилуй мя, Боже, помилуй меня!

«Ни тепел, ни хладен...» и нет оправданья;
Заветы Спасителя ведаю я!
О, вера, велики твои упованья!
Помилуй мя, Боже, помилуй меня!

Болезнует сердце, а дух разгорается...
И с каждой святой благодати огня –
Молитвенный вопль из груди вырывается:
О, Боже, помилуй, помилуй меня!

Хотелось бы каждому читающему эти строки пожелать лелеять в душе своей эти покаянные слезы, ведь черта, отделяющая каждого из нас от вечной жизни, так близка, что мы даже не представляем... Это намного ближе, чем нам обычно кажется!

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ

«Но придет к тебе благодать Божия и поборет по тебе Господь...»

Все дальнеше уходят болезниная острота, духовная тяжесть пережитых испытаний. Постепенно возвращаюсь к жизни в родном Свято-Успенском храме, Верхнеднепровском благочинии. Забот много, сил не всегда хватает, однако как только появляется возможность, хоть изредка езжу в Топловскую обитель, где произошло мое возрождение к жизни. Очень люблю служить в ней, и уезжать оттуда всегда не хочется. Часто кружится в голове мысль: «Хорошо бы не покидать монастырь, а служить Богу в этом дивном месте». Стараюсь держать себя в руках, гоню от себя наступающие мечты: «Ведь это нереально, невозможно».

Как раз в этот момент сомнений происходит чудо, которое вновь явил мне всемилостивый Вседержитель, показав, что по Его святой воле нет ничего невозможного: в невероятно короткий срок оформлены все документы, и я — назначен священником Топловского

Свято-Параскевиевского женского монастыря. Признаюсь: долго я сам не мог поверить в реальность происшедшего. Ведь этого чуда я совершенно не ожидал, понимая его невозможность, но душа-то моя трепетно этого желала...

С апреля 2002 года началась принципиально новая для меня часть жизни: практически незнакомый мне монастырский Устав, новые правила, особые отношения. Теоретически все вроде бы и понятно: в монастырях частенько бывал, служил, да и созданный в Верхнеднепровске мужской монастырь священномученика Владимира, митрополита Киевского и Галицкого, — принес определенный опыт.

Однако сейчас все разрозненные частички моего опыта и впечатлений должны собраться воедино и уложиться в сердце, чтобы я смог начать жизнь в новом качестве — священника женского монастыря. Неоднократно читал в святоотеческой литературе об испытаниях и напастях в монастырской жизни. Вроде бы и здесь все понятно: там, где сильная молитва, пост, — там борьба и сопротивление врага рода человеческого. Но когда все это происходит лично с тобой, учиться приходится на своем опыте.

«Всегда так бывает, — писал прп. Феодор Студит, — что ныне малодущие, а завтра мужество, теперь печальное расположение, а вдруг воодушевление, сию минуту страсти восстание, а в следующую Божия помочь и их пресечение; не таким, как вчера, явившись ты и послезавтра, и не навсегда одинаковым пребудешь ты, возлюбленный; но придет к тебе благодать Божия и поборет по тебе Господь. Речешъ тогда: «Где был еси доселе, Господи?» И Он скажет тебе на это: «Смотрел, как ты борешься, и ждал». Будем терпеливы, возвеликоду-

шествуем немного; стесним себя, и тело свое придавим, порабощая его и далеко от себя отбрасывая страсти».

Хочу рассказать о некоторых событиях монастырской жизни — тревожных, грустных и радостных...

Монастырская жизнь перестраивает душу

Прежде всего, начинаю прислушиваться к себе: что изменилось во мне, в моем понимании мира?

Хочется сказать о смирении и послушании. Казалось бы, это ясные для всех христиан нормы внутренней самодисциплины. Разве я до сих пор не слышал о них? Конечно, слышал. Но имел ли в себе эти качества? К великому своему сожалению и к глубокому стыду перед читателями, должен честно признаться, что эти качества не стали родными для моей души.

Почему? Отчасти это объясняется тем, что, служа в Верхнеднепровске, районном центре Днепропетровской области, в последние годы я нес послушание благочинного церквей нашего округа. Роль благочинного — помогать правящему архиерею выполнять на местах его благословения. С одной стороны, мое послушание в этом. Однако, учитывая, что наш благочинный округ находится на окраине епархии, что духовенство в нем в большинстве начинающее, можно понять, какое количество ежедневных, ежеминутных решений необходимо предпринимать на месте самостоятельно. Сколько, казалось бы, незначительных, но зачастую довольно сложных ситуаций возникало, по которым неудобно было часто тревожить владыку Ефрема, епископа Криворожского и Никопольского. Сколько контактов с миром, с мирскими властями, служащими и т. д. Духовенство понимает,

сколь хлопотна роль благочинного. Принимаешь решения, благословляешь мирских людей, трудишься с клириками — чтобы все в районе было благо и чинно. И в этой ежедневной круговерти я частенько ощущал свой начальствующий, командный тон. Признаюсь честно, это было иногда самому неприятно, но старался оправдывать себя: «*Тебя епископ благословил помогать ему в поддержании духовного порядка в районе. Вот и трудись...*»

И стал я замечать, что в этой ситуации твое личное смирение, твое личное послушание — вроде бы и есть, но они в тебе скромненько и незаметно таятся — невостребованными.

И вот в таком состоянии я попал в женскую обитель, живущую по своему Уставу, у обители есть настоятельница — уважаемая мною игумения Параскева. А я по прежней инерции считал, что если увижу что-то не так (по моему разумению), то нужно принимать меры, причем сразу.

Слава Тебе, Господи, что постепенно стал понимать, что это не совсем правильно, точнее, совсем неправильно: обитель живет своей устоявшейся жизнью, здесь сложилась система взаимоотношений, не всегда понятных с первого взгляда, во многом совершенно специфических. Убеждаюсь, что главная задача священника в обители — это богослужения, а также духовная работа с людьми. Стал понимать, почему прп. Иоанн Лествичник — учитель монахов для всех времен, прп. Симеон Богослов и другие отцы, а в последнее время свт. Игнатий Брянчанинов говорили о том, с какой осмотрительностью монах и мирянин должны выбирать себе духовного руководителя.

«Особенно сложен этот вопрос, — добавляет архимандрит Рафаил (Карелин), — в женских обителях, где

<...> монахиня может отказаться от исповеди тому или иному лицу священного сана, если чувствует, что это омрачает ее внутреннюю чистоту. Вообще женские обители пользовались большей <...> внутренней автономией, чем мужские. И священнослужители не имели права вмешиваться в жизнь монастыря, кроме совершения богослужения».

Эти вопросы достаточно освещены в книге «Древние иноческие уставы», которые собрал и перевел с греческого языка свт. Феофан Затворник.

Руководитель в православных монастырях всегда один — настоятель (игумен или игумения). Понимание всего этого приходило ко мне нелегко, постепенно. Но как же радостно забытое (или не прочувствованное ранее) чувство смирения и послушания, когда удается, по милости Божией, придавить в себе ростки ядовитой гордыни. Действительно, убеждаюсь, как много недорумений уходит в никуда, когда стараешься действовать строго по христианскому пониманию смирения, по монастырскому послушанию.

Не могу не вспомнить слова **старца Паисия Святогорца** из его писем:

«Когда ты поймешь, что твой <...> духовный руководитель несет ответственность за тебя и что он заботится о твоем спасении и все <...> делает для твоего добра, а не для того, чтобы тебя мучить, тогда ты будешь радоваться, слыша от него: «не то» или «не это», или «пойди сюда», или «не ходи туда», потому что <...> все делается <...> чтобы уберечь тебя от всякого зла посредством опыта, который он приобрел на основании прошедшего с ним самим или с другими».

Говоря о смирении, очевидно, каждый ощущал, как же часто нас раздражают люди, призывающие нас к это-

му. «Тот, кто просит у Бога смирения, — продолжает старец Паисий, — но не принимает человека, которого Бог посыпает ему для смирения, не знает, чего просит, потому что добродетели не покупаются как товар в магазине <...> но Бог посыпает нам людей для нашего испытания, чтобы мы потрудились, стяжали смижение и получили венец».

Во многих случаях как же мы старательно оправдываем себя, говоря о всякого рода искушениях, не дающих нам смиренного покоя.

«Большинство искушений, — добавляет святогорский старец, — создаем мы сами, выставляя свое «Я» при общении с другими, то есть желая возвысить себя».

Не прошла злая сила

Не всегда правильно понимают современные люди смысл и воздействие на нас Страстной седмицы — недели, ведущей нас от Великого поста к святой Пасхе — самой строгой части поста, времени наиболее сложной духовной работы по очищению человека. Тот, кто не подготовлен к осмысленной церковной жизни, практически не ощущает этой Страстной седмицы, как, впрочем, и самого Великого поста. Верующие же люди понимают, что пост и молитва — это оружие для борьбы с диаволом, то есть, если мы обнажаем оружие свое для борьбы с врагом, то мы не можем ждать спокойного отношения к нашим действиям от врага рода человеческого.

Спустя некоторое время я могу твердо сказать, что столь трудной Страстной седмицы, как прошедшая в самом начале моего служения в обители, не было на

протяжении всего моего священнического служения. Новое место, новые люди, в алтаре непривычно. Сложные великопостные службы Страстной седмицы идут самым строгим монашеским чином, времени на подготовку практически никакого, но служить нужно. Богослужение не отменишь, не задержишь. А параллельно с церковными делами — масса хлопот по элементарному домашнему благоустройству. Казалось бы, простейшие технические вопросы с водопроводом, трубами, отоплением зачастую осложнялись такими проблемами, что можно было только удивляться.

Я вполне реально ощущал, как неугодно врагу рода человеческого появление в обители постоянного священника.

Одно из событий этих дней меня просто потрясло. Поздно ночью, в Великую Среду, стоял я в келье на своем молитвенном правиле, ведь завтра служить Литургию свт. Василия Великого. Вдруг внизу около дома услышал страшный шум, крик. Слышу: трещит деревянная ограда, грохочут чем-то в двери. Сквозь невероятную ругань, которую повторить просто невозможно, услышал требования примерно такого содержания:

— Поп, немедленно выходи, сейчас тебя прикончим!

По крикам, вполне похожим на припадки одержимости, я понял, что пускаться в какие-то переговоры абсолютно бессмысленно. Посему заставил себя продолжить свое молитвенное послушание, хотя, лукавить не буду, беспокойство на сердце было весьма реальное: по комнатам уже сквозь разбитые окна кирпичи летают. Прямо-таки артобстрел.

Молитвы идут, шум затихает, кажется, атака отступает. Перекрестившись, усталый, ложусь отдыхать. Ах не тут-то было! Новая неистовая злоба рычит внизу, и

так несколько раз в течение этой бурной ночи. Милостию Божией беды не произошло, вот только на богослужении голова гудела от усталости.

Очень интересный момент для размышления: как раз накануне тех событий, вечером, я отслужил молебен в этом домике, что выделила мне обитель. Все по чину, с кадилом, освященной водой, поставил кресты на углах, над дверьми, повесил иконы в комнатах и т. д. Честно хочу признаться, что во время очередного ночного написка появилась в голове мыслишка маловерующего: *«Вот тебе на, такой молебен отслужен, а результат...»*

А результат-то мы увидели утром с сестрами обители. Обходя место «боевых действий», обнаружили, что окна, двери разбиты панрочь, глубокой ночью я был один-одинешенек, так что не было никаких преград для того, чтобы нападающим ворваться на первый этаж дома. Выражаясь мирским военным языком, я внешне был полностью беззащитен. Вот тут-то моя маловерная голова и получила ответ на никчемный ночной вопрос о смысле вчерашнего освящения дома. Вот вам и явная помощь Господа через кресты и иконы на дверях и стенах моей кельи. Не прошла сквозь них злая сила... *«Верую, Господи, помоги моему неверию»*.

Было после этого выяснение обстоятельств случившегося, были слезы и раскаяние «налетчиков», которые трясущимися руками вставляли выбитые окна. И испуг в глазах: подам ли я бумагу в милицию. Тут уж пришло время вспомнить евангельские слова: *«Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»* (Мф. 5, 38–39). Ощутил на себе, как противостоит в нас «ветхий человек», обзывающийся и противяющийся, и новозавет-

ная истина обратившего и другую щеку. Ах, как не хотелось бы, подставляя свою щеку, слышать при этом о разрушении монастырских ценностей!..

А тут идет Страстная седмица!

Были долгие беседы со вчерашними атакующими. Поразила меня фраза несчастного человека:

— Батюшка, я не понимаю, как это все произошло, у меня нет и не было к вам никакой злобы...

Зато сила бесовская понимала, как потрясти мирный молитвенный покой Страстной седмицы — не по душе ей молитвы! Решение мое было однозначным: никаких милиций, судов, только молитва об этих людях. И как завершение всей истории — радость: вижу вчерашних нападающих в Пасхальную ночь в монастырской церкви. «*Бог поругаем не бывает!*»

Радость с назиданием

Читатель может подумать, что в монастырской жизни были лишь сложности, испытания да искушения, но сопровождали меня и радости, и удивительные открытия. И один такой случай произошел с иконой преподобного Сергия Радонежского.

В Верхнеднепровском Свято-Успенском храме в иконостасе у крестильной купели я расположил икону преподобного Сергия Радонежского. Это была большая цветная литография, которую я оформил в самом начале моего служения в районном центре (икон-то в храме поначалу было маловато). Потому она мне была особенно дорога.

Когда пришло время перебираться в Крымские горы, встал я перед «моей» иконой с огромным желанием

снять ее, чтобы увезти на новое место служения. Но мучило меня ощущение неловкости — как это снять икону с иконостаса крестилки (хотя икона-то сделана моими руками). Закончились мои сомнения тем, что поцеловал я родную икону, да и отбыл в Топловский монастырь...

И вот проходит мое первое монастырское Пасхальное богослужение, крестный ход под крымскими звездами, во время которого ощущаешь благодатную радость, знакомую каждому верующему... Уже утром кто-то из сестер обители спрашивавшает меня:

— Батюшка, не забыли ли вы взять свою икону?
— Какую? — недоумеваю.

— Да вот, у иконостаса стоит. Ночью зашел в храм какой-то высокий, видный мужчина, сказал, что эта икона отцу Михаилу, и потом куда-то исчез.

Подошел я к иконе и обмер: смотрит на меня преподобный Сергий Радонежский. Точно такая же литография, которая осталась в Верхнеднепровске, но оклад-то, вижу, не тот. А мужчину того так никто после и не видел...

Вот и рассудите, дорогие читатели: а не вразумляющая ли это сила Божия? Ведь Он ощущает наши сомнения, падения, радуется каждой нашей победе и не устает подбадривать нас Своей добротой, Своей великой милостью!

Ангелы в купели

Спускаюсь как-то поздним осенним вечером, уставший от трудов, к купели святой преподобномученицы Параскевы. Звезды сияют россыпями, тишина, которой поражаешься и умиляешься после звукового натиска

больших городов. Иду себе, молитвенно радуясь благодати Божией... Обхожу купель, подсвечивая фонариком, — и вдруг слышу из здания купели тихий говор. Останавливаюсь в недоумении — кто это? Свиста в корпусе нет, дверь заперта.

Прислушиваюсь, но слов, смысла разговора не могу уловить — только нежные melodичные звуки тихого разговора. «*Прямо ангельская молитва*», — мелькнуло в голове. Открываю дверь, включаю свет — никого. Да и звуки замерли. Ведь действительно, Ангелы радовались в живительной купели — только вот я своим недостойным появлением помешал им.

Впоследствии, в разговорах со многими людьми, слышал я об их ощущениях присутствия в купели мира тонкого, бестелесного.

Дивны дела Твои, Господи!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТАЙНА МИРА ИНОГО

Отклики на книгу «Жизнь и смерть»

Несколько сотен писем-откликов пришло в ответ на первое издание книги отца Михаила «Жизнь и смерть»: практически со всех концов Украины, из Белоруссии, из множества российских городов — от Москвы и Санкт-Петербурга до Урала, Сибири, Ямало-Ненецкого автономного округа, а также из Молдавии, Германии...

В письмах — море людских проблем, духовных вопросов, просьбы о молитвах, благодарность за книгу, в которой каждый нашел для себя что-то необходимое в трудную минуту; а кому-то она послужила мостом для постоянного духовного общения с отцом Михаилом. Практически на каждое письмо батюшка готовил обстоятельный ответ. Некоторые из авторов писем побывали в обители всей семьей, кто-то приезжал исповедоваться у батюшки, кто-то за благословением...

В отрывках из малой части этих писем, подготовленных к публикации духовными чадами отца Михаила Овчинникова, мы видим удивительный калейдоскоп мыслей и чувств, проблем, сомнений,исканий, тревог и надежд! Пишут священники и заключенные, матери семейств и люди, только начинающие жизнь, заблудшие души, ищащие Истину, отчаявшиеся и возрождающиеся к жизни в Боге... Письма эти рисуют яркую картину того, как отзывчива душа человеческая к зову Вечного, как слетают с нее наросты суэты перед светом Истины, отблеск

которой они ощутили в безыскусном повествовании отца Михаила Овчинникова.

Внутренняя сила духа

Книга «Жизнь и смерть» — это впечатляющий рассказ о внутренней силе духа человека, о любви к Богу и людям. Эта книга укрепляет читателей в вере в милость Божию, заставляет задуматься о смысле своей жизни и о своем бесконечном пути в Царство Небесное.

*Анатолий СКАЧКОВ,
поэт, музыкант, концертмейстер
детского ансамбля из Донбасса.*

Душой побывал у небожителей

Однажды обратилась я в газету «Начало», надеясь на добрый совет опытных священников — просила помочь преодолеть терзавший тогда меня грех. Ответ получила от протоиерея Михаила Овчинникова — ответ нeliцеприятный и очень поучительный... Со временем я подробней узнала об отце Михаиле, прочла его книгу «Жизнь и смерть». Читали ее и мои родные, и прихожане нашей церкви.

По Промыслу Божию мне удалось посетить дивные места благодатной Топловской Свято-Параскевиевской женской обители, встретиться с самим батюшкой. Благодаря его книге, вижу, что люди и я сама столкнулись не с какой-то былинной легендой, а с живым человеком, священником, который душой своей побывал у небожителей. Поразили до глубины души его чувства, мысли, выводы: хотя он всегда говорит о себе как о недостойном и грешном протоиерее (не нам об этом судить), отдельные моменты глубоко запечатились в моей душе.

Прежде всего, отец Михаил показал, что никакие законы физики неприменимы к случившемуся, он не мог

выбить своим телом задние перегородки машины, это была работа злайшего нашего врага — диавола. Непередаваемо ощущение от рассказа об ангельском пении, о Горнем мире, о блаженстве душ, населяющих его.

Поразило всех нас и христианское мужество матушки Людмилы, которая не рвала на себе волосы, не причитала о постигшем се горе, а с молитвами на устах умоляла Творца сохранить жизнь любимому человеску. Согласитесь, таких примеров в нашей жизни не так уж много. Многие из нас на словах христиане, а в трагических ситуациях подчинены мирским, языческим обычаям, стенаниям и слезам, не умея молиться и уповать на милость Божию.

Встреча отца Михаила со «зверьем» в который раз подтверждает реальность злых духов, так порой терзающих нас.

Это всего лишь отдельные моменты интереснейшей книги. Реальные страницы из жизни нашего современника и молитвенника отца Михаила нужны всем для укрепления веры, для очищения греховной жизни.

Благодарю Господа за встречу с этим человеком, за то, что Бог слышит и мои молитвы, многогрешной рабы Божией Натальи.

Наталья СЫЧ,
журналист, г. Саки,
Автономная Республика Крым.

Научиться любви к Богу

Я не один год со слезами молилась Господу, чтобы Он даровал мне, грешной, духовного отца для помощи в спасении души. Когда я в храме читала неусыпаемую Псалтирь, подошла одна раба Божия, приехавшая из Свято-Параскевиевской обители, и рассказала, что познакомилась с протоиереем Михаилом Овчинниковым, который находился там на лечении. Она дала прочитать его книгу «Жизнь и смерть».

То, о чем написано в книге, заставило меня задуматься о своем пути, о покаянии, о том, что все в руках Божиих, о том, как тонка грань между жизнью и смертью. Поразило мужество батюшки в борьбе со страшными болями, его детская, безоглядная вера — имению такой веры и ждет от нас Господь, говоря: «*Будьте как дети*». Захотелось научиться у этого человека любви к Богу, смирению и терпению в несении своего креста. И до сих пор, когда мне очень трудно в житейском море, я перечитываю эту книгу. Она меня укрепляет и поддерживает. Очень много моих знакомых мирских людей и священнослужителей, прочитав книгу, говорили мне о сильном духовном впечатлении; каждый нашел в ней что-то для себя нужное и спасительное.

Раба Божия Лидия.

Школа для матушек

Сердечно благодарим Вас за книгу. Не только «ко славе Божией...» случились все эти события, не только поучительны они для православного христианина, но в них, хотя и косвенно, затронуты Ваши семейные отношения. Мысли, высказанные в книге, многому могут научить современных жен священников: какой должна быть матушка — первая помощница батюшки. Хочется поблагодарить Вашу дорогую матушку за добный пример жены служителя Вышнего для молодых матушек. Матушка Людмила, спаси Вас Господь за все. Пусть Господь поможет подняться еще выше, так как «разве нет других высот»? Мы посоветовали нашим девочкам — воспитанницам Духовного училища — прочесть эту книжечку и особенно обратить внимание на отношение матушки к священнику. Мы ответственны за воспитание девочек, многие из которых в будущем станут женами священников. Как бы хотелось видеть их действительно первыми помощницами, а не соблазном прихожанам!

Просим Ваших святых молитв, дорогой батюшка.
Выздоровливайте, крепитесь, и помоги Вам Господь да-
лее продолжать свой земной путь. С любовию о Господе!

*Игумения Михаила (ЗАЯЦ),
настоятельница Городокского
Свято-Николаевского женского монастыря,
Ровенская обл.*

С криком души обращаюсь к Вам

Неоднократно прочла Вашу книжечку, и плакала, и страдала, и ощущала боль Вашу, и радовалась, что Бог приоткрыл Вам тайну мира иного... Слава Богу! Нам, грешным, Он показывает, напоминает, что мы здесь, на земле, пришельцы, временно живущие. Просит Он: «Люди, опомнитесь, остановитесь».

Дорогой батюшка, я стояла на панихиде, когда Вы зашли в наш храм. Благодарю, что Вы тогда нашли время и побеседовали со мной. После этого мне было хорошо, злость и раздражительность уходили от меня, приходило смирение и терпение. Но со временем мне опять становится трудно, и мне стыдно перед Богом, очень стыдно, что я каюсь, причащаюсь и снова совершаю одни и те же грехи. Как же бороться с этим? Осмелилась писать по Вашему разрешению. С криком души обращаюсь к Вам: помолитесь за нас, грешных.

С благодарностью к Вам, да хранит Вас Господь!

Раба Божия Тамара Б.

По ту сторону жизни

Батюшка! Прочитав Вашу книгу с описанием пребывания по ту сторону жизни, захотела сразу же Вам написать. Не сомневаюсь в Промысле Божием и верю каждому слову, написанному в книге. Она так своевременна, потому что сейчас нелегкое время для православных

христиан. В нашем районе, Березовке, — несколько сект. Причем друг друга они не трогают, а все их желания — перс-ориентировать православных по своему разумению. Я сейчас прихожу к выводу, что православные, к стыду своему, самые недружные и разрозненные. И ищущий, подавленный жизнью человек, не найдя поддержки среди нас, православных, часто уходит в секты.

Раба Божия Елена К.

Чудо наших дней

Благословите меня, отец Михаил!

Прочитала Вашу книгу «Жизнь и смерть» — хочется всей душой поблагодарить Вас! Когда читаешь это свидетельство, слезы льются. Благодарю Бога, что дал Вам силы и здоровья. Спаси Бог друзей Ваших, прихожан, которые помогли Вам в трудную минуту. Хочу пожелать Вам, чтобы Вы жили долго и просвещали людей в эти тяжелые и трудные дни.

Это чудо наших дней, которое Господь сотворил с Вами. Мы молимся за эту милость Господню. Храни Вас Бог!

Раба Божия Галина Х.

Душа слышит молитвы оставшихся на земле

Дорогой батюшка Михаил!

Я приезжала летом в монастырь, где Вы служите, — какое это Божие место! В то время я пребывала в страшном горе — у меня погиб сын Дима, и я в неразумии своем обвиняла себя в его гибели. Молитва в монастырском храме и исповедь сняли с меня этот камень, покой воцарился в моем сердце. Какое это счастье, что Господь вернул Вас в этот мир, а я встретила Вас в столь трудный момент на своем жизненном пути!

Когда я спустилась вниз, с монастырской горы, я воочию поняла, где суета. Люди мечутся, что-то ищут, хотят мирских радостей, но совсем не думают о своей душе.

Когда я приехала в Симферополь, в свой пустой безжизненный дом, мне стало страшно. Я испугалась ночи, но благодаря Вашей книге я стала постепенно оживать. Каждый вечер перед сном я читала ее.

Многие из моих подруг после прочтения книги «Жизнь и смерть» решили обязательно съездить в Топловский монастырь, в это святое место, и, если Вы позволите, поговорить с Вами.

Дорогой батюшка, Ваша душа приближалась к Богу, но Он вернул ее на грешную землю. Меня очень волнует, примет ли Господь Бог душеньку моего сыночка. На службе в 9-й день мое сердце чувствовало ответственность: душа моего мальчика предстоит перед Судом Господним; как мне хотелось помочь ему в этот момент и быть рядом. Я помню, как Вы писали в книге о том, что душа человека слышит молитвы людей, оставшихся на земле. Что же еще сделать для спасения души моего сыночка? Я просто дала себе обет — выполню все, чтобы его душа была спокойна.

Раба Божия Галина С.

Не мыслю жизни вне монастырских стен

Дорогой батюшка! Мир Вам и спасение от Господа.

Письмо Ваше получила, за которое бесконечно благодарна. Поздравляю Вас с началом Великого поста. Это первый мой пост в монашестве. Прошу у Вас благословения провести этот пост, как подобает монахине, в молитве, смирении, воздержании и бдении.

Мое послушание в монастыре — клирос, веду утреннее и вечернее монашеское правило, читаю Псалтирь. Практически свободного времени нет, но что может быть больше и выше, чем служить Господу день и ночь, молить-

ся за себя и за людей. Не мыслю, батюшка, своей жизни вне монастырских стен.

Благодарю Вас, отец Михаил, за поддержку, за Ваши молитвы, за советы, за то, что Вы есть. Да хранит Вас Господь и ведет своим путем в жизнь вечную. Поклон Вам от всех сестер нашей обители.

Монахиня Н.

Росточки к жизни вечной

Дорогой батюшка Михаил!

Благодарю Вас за Вашу добрую память, за Ваши поздравления с праздниками.

Время так скоротечно... Сегодня Прощеное воскресенье. Простите меня и всех нас, дорогой батюшка. Пусть Господь дарует Вам, всем Вашим духовным чадам, всем монахиням и послушницам Вашего монастыря крепость духа, здравия душевного и телесного, чтобы их молитвами пробудились у людей росточки в душах к жизни вечной.

Я все так же работаю в школе. Тяжело и физически, и морально. Вы, наверное, знаете, что сейчас в школе вводят новые предметы, чтобы просветить детей в «половом отношении». Их учат тому, что стыдно и сказать. Целомудрию и святости не учат, а преподают, как совершать грех, но чтоб все было «безопасно». На душе мерзко и беспомощно.

Что Вы сможете посоветовать? Храни Вас Господь от всякого зла!

Раба Божия Маргарита П.

Помолитесь за нас, грешных

Спаси Вас Господь, отец Михаил!

Примите от меня низкий земной поклон. В октябре 2002 года я с паломниками из нашего Кривого Рога была в Топловском монастыре. Вашу книжечку, которую Вы

нам благословили, мы «отксерили» — так много появилось желающих ее прочесть. Дай Бог Вам здоровья.

Батюшка, я прошу Ваших святых молитв за моего сына Евгения, который ныне находится в тюрьме. Заблудился он в этой жизни, коснулись его наркотики. Но, очевидно, Господь не дал ему окончательно увязнуть, только он начал употреблять — и его Бог сразу же спрятал. Забрали его на Сретение, а суд назначен на Благовещение. Помолитесь за него, грешного, да и за всех нас.

Раба Божия Любовь С.

Живительная поддержка

Ваше Высокопреподобие, отче Михаил!

Благодарю Госиода, что Он сподобил в такую трудную для меня минуту получить живительную поддержку — Ваш ответ на мое письмо. Мне так именно это нужно, о чем Вы написали: не ослабеть в исправлении духовном. Слава Богу, удалось посещать все вечерние службы первой недели Великого поста. Я так полюбила эти покаянные молитвы, которые позволяют осознать свое недостоинство и вызывают чувство раскаяния, когда на просьбу «*Да исправится молитва моя*» — дает мне Пречистая «*струю слезам, души моей скверну очищающи...*», а вопль «*что с нами будет...*» вызывает трепет души перед предстоящими испытаниями.

Большая благодарность Вам за молитвы о нас, грешных, они нас так поддерживают. Мы молимся и за Вас, и за Ваших близких. Прошу простить за то, что утружаю своими вопросами, которые все возникают и возникают в связи с трудными жизненными ситуациями; простите также за все, что сделала не так, как Богу угодно, сказала или поступила, непутевая и окаянная.

Вы меня приятно удивили своей просьбой о прощении Вас. Конечно же: «*Бог простит, и я прощаю!*» Удив-

ление потому, что это больше относится ко мне, а такая форма подсказки умиляет и тут же пробуждает желание исправиться. Очень всколыхнули меня Ваши слова, что «жизнь еще продолжается...», так что не надо терять времени и, хотя и очень медленно, но подниматься по лесенке, ведущей ко спасению. Очень признательна Вам за это!

Дорогой батюшка! Духовные наставления Ваши показывают мне, как надо жить и выдерживать все, — это для меня очень важно и нужно. Читаю и перечитываю Ваш ответ и понимаю, как мне еще далеко до «смиренной молитвы», чтобы «через свои... труды подражать своему Спасителю...». Это непостижимо для меня, но стремиться буду всем сердцем и прикладывать к этому все свои усилия. Да поможет мне Господь при Вашей поддержке! Еще буду учиться искать ответы на все свои вопросы в евхаристическом единении со Всевышним, чтобы отсекать «самость» и узнавать волю Божию.

В Топловский монастырь я бы на крыльях летела! Молюсь за игумению Параскеву с сестрами. Но как Бог управит... Пока только мечтаю об этом. Благодарна Вам за помощь! С искренней любовью во Христе к Вам и Вашим близким.

Раба Божия Тамара В.

Нужен ваш совет

Хочу попросить извинения за то, что отнимаю у Вас молитвенное время на свои нужды. Но у меня выхода больше нет.

Когда два десятка лет назад я пришел на приход, молитвенный дом стоял в аварийном состоянии. С Божией помощью делал ремонт, вы знаете, какие это были времена. Сейчас церковь уже обустроена, служба в ней идет постоянно. Но я остался почти один: петь некому, читать некому, в семье тяжело. Сын не захотел учиться в семи-

нарии, дочь тоже избирает мирской путь. Вот я и не знаю, что мне теперь делать.

Когда я прочел Вашу книжку, почему-то сразу же решил написать Вам. Вы мне посоветуйте, дайте ответ, если я этого достоин, что мне делать. Еще раз спасибо за книгу, она мне очень помогла. Смиренный и недостойный

протоиерей Николай О.

Не оставьте меня в своих молитвах

Мир Вам, отец Михаил!

Пишет Вам одна из осужденных женской колонии, где Вы часто проводите богослужения. Я полностью раскаиваюсь в совершенном мной преступлении, вот уже несколько лет пытаюсь идти к Богу. Читаю православные журналы, газеты, недавно крестилась. Как страшно, что для этого мне нужно было попасть в зону!

Я очень хочу полностью связать свою жизнь с Православием, я хотела бы молиться и трудиться в монастыре. Думаю, меня не испугают строгости монастырской жизни. Наверное, мне это пошло бы на пользу. Отец Михаил, я бы хотела, чтобы у меня был духовный отец, чтобы он мог взять надо мной духовное руководство. Так еще слаба в вере, но очень хочется служить Богу. Прошу, не оставьте меня, грешную, в своих молитвах и помогите мне в духовном совершенствовании.

*Раба Божия Елена К.,
заключенная женской колонии.*

Прощение надо заслужить

Простите меня, грешную, отец Михаил, что отнимаю Ваше время.

Прочитала Вашу работу «Жизнь и смерть», поразили сердцем написанные слова. Первое, что подумалось по прочтении: «*Если праведник едва спасется, где обрящуся я, окаянная?!*»

Я много читаю духовной литературы, но вот в Вашей работе Господь открыл мне мысль о том, что мы всей жизнью должны просить у Господа прощения за содеянные грехи. Я раньше думала, что коль покаялась, и этого уже и достаточно, а оказывается, что прощение-то надо заслужить.

Да пошлет Вам Господь твердость в вере и любовь к нам, грешным, да укрепит Вас в служении во славу Пресвятой Троицы. Прошу Ваших святых молитв.

Раба Божия Лидия.

Поразила Ваша вера

Дорогой о Господе отец Михаил!

Ваша книга «Жизнь и смерть» вызвала у меня много размышлений. Прежде всего, поразила в ней вера Ваша и Вашей семьи. Книгу я читала вместе с сестрой, мы плакали и радовались, позабыв про все. Такой потрясающий пример веры перерождает, изменяет понятия о нас самих и о нашей жизни. Это живой пример того, что только уповаением на Господа и Его Промысел человек освящается верой в Бога и самые мучительные минуты воспринимает как испытание, как путь к Небесному Отцу.

Очень опасаюсь утомить Вас своим письмом. Знаю, что не одна я обращаюсь за помощью и советом. Прошу простить, что перекладываю на Вас всю тяжесть нашей ситуации, но именно Ваше мнение может нам помочь и укрепить. С моей сестрой мы уже два года ходим в церковь. По причине моей тревоги за свою сестру я решилась Вам написать... Батюшка, просто не знаю, как ее поддержать, чем утешить... Мне так хочется передать ей Ваше мнение, чтобы по Вашим словам ей стало понятней, как нужно относиться ко всему происходящему. По сравнению с теми проблемами, о которых Вам, наверное, пишет множество людей, мое письмо покажется сущей ерундой.

Но я очень переживаю и не хочу видеть сестру одинокой, печальной, расстроенной.

Благословите и простите.

Раба Божия Юлия Р.

Первые духовные шаги начались с прочтения книги

Мир Вамему дому!

Благословите меня, грешную, отец Михаил. Ваше письмо доставило мне большую радость. Хочу сообщить, что Вашу книгу люди читают, «отксеривают», передают друг другу: она нужна нам. Пишу Вам в великий день — день свт. Чудотворца Николая. У нас в Симферополе сегодня престольный праздник, пусть письмо передаст Вам хоть частичку нашей радости.

Господь сделал мне, грешной, подарок — я купила Вашу книгу. Кроме того, хочу рассказать, что один юноша в прошлом году только впервые переступил порог православного храма. Первые его духовные шаги начались с прочтения Вашей книги. В этом году он уже при служивает в алтаре, и, если будет воля Господа, его будут рукополагать в батюшки.

Раба Божия Лидия Т.

Я хотел бы больше узнать о Православии

Мир Вам, благословенный отец Михаил!

Пишет Вам брат во Христе Иисусе, хотя и не принадлежащий к Православной Церкви, но Иисус Христос за меня так же распялся, как и за Вас, я считаю Его своим Господом, а себя рабом Его. Я принадлежу к церкви Евангельских христиан, считаю православных не врагами, а братьями.

Я прочел о Вашем чудесном исцелении и ясно увидел, что без Божьего вмешательства не обошлось. Я хотел бы побольше узнать о Православии.

Я возношу свои молитвы Господу. Буду Вам весьма признателен, если Вы пришлете любую литературу, проливающую свет на истоки Православия. Да принесет Вам Иисус Христос всякое довольство, чтобы Вы были богаты на всякое доброе дело.

*Раб Божий Александр Г.,
заключенный исправительной колонии.*

Трудная это работа — быть христианином

Многоуважаемый батюшка Михаил!

Кланяюсь Вам до самой земли и благодарю Господа, что сподобил меня, грешную, прочитать Вашу книгу «Жизнь и смерть». Спаси Вас Бог за любовь и доброту к христианам.

Прошу простить меня, что я отрываю Вас от важных дел, но я счастлива была, читая Вашу книгу, укрепляясь в вере.

Я около пяти лет постоянно хожу в церковь, молюсь, читаю. Но мучает, что на душе часто — раздражение, тоска. Понимаю, что все это — следствие множества моих согрешений, преступлений перед Господом и людьми. Слава Богу, что однажды, придя в храм, я ощутила, что именно здесь счастье!

У меня часто бывают трудности в отношениях с дочерью. Молюсь, но нет сокрушенного и смиренного сердца. Куда деть злость, сидящую во мне?.. Иногда ничего не хочу — усталость от всего: от работы, от людей, от молитвы. Хочется просто умереть. Господи, помилуй! Читаю литературу — произведения святых отцов, схиигумена Саввы — кажется, вразумляюсь, но приходит искушение, и я падаю. Да, трудная это работа — быть христианином. Господи, помоги нам всем удержаться на этом пути!

Раба Божия Любовь В.

Душа моя как бы заново родилась

Отец Михаил, родной мой!

Прошло уже два дня, как я дома, и снова мирская суета; но душа моя стремится туда, на святую землю далеко в Крымских горах. Вспоминается первая встреча с Вами, которой я так ждала, глаза матушки игумении, любовь к нам, грешным и недостойным. Душа моя как бы заново родилась, увидев всю красоту, Божию благодать в Топловской обители.

Когда началась служба, я боялась пошевелиться. Вы меня спросили после Литургии, почему я не исповедовалась, а я совсем была не готова. Но уже в конце дня, после вечерней молитвы и правила ко Причастию, я почувствовала, что готова к исповеди. Утром, придя в храм, я несколько успокоилась, но потом — слезы, они лились из моих глаз, я слышала свой внутренний голос, душа моя каялась в тяжких грехах. Благодарю Бога, что Вы были в этот момент рядом, Вы сумели открыть мою грешную душу.

Не хотелось прощаться с монастырем. Пока ждала автобуса, всматривалась в голубую даль, и так хотелось вернуться. В дороге — обычная суeta, но я ничего не замечала, мои мысли были там, на святой земле.

Простите меня, грешную и недостойную, и помолитесь обо мне.

Раба Божия И. С.

Изболелось сердце за великий грех

Низкий Вам поклон, батюшка Михаил! Помоги Вам Господь!

Сестра моя приехала на Полтавщину, привезла Вашу книгу и рассказала о Вас.

Помолитесь, батюшка, обо мне, моя слабая молитва не дошла до Бога. У меня все сердце изболелось за свой великий грех, что не смогла воспитать по-христиански

детей. Очень прошу Ваших молитв за мою дочь Елену — она больна — и прошу Вашего совета, как быть. Ведь это все — наши грехи?

Прошу простить меня за письмо.

Раба Божия Валентина Б.

**Пасите Ваше стадо во Христе,
коль Бог Вас воскресил, как Лазаря**

По Промыслу Божьему Ваша книга попала мне в руки. В эти минуты у меня так тяжело было на душе: целый день мы с сыном бегали по больницам, добиваясь справедливости по восстановлению инвалидности сына. Я пришла домой — плачу и, конечно, злюсь. Стараюсь молиться — это дает мне силы не разжигать в себе злость. Тут я взяла Вашу книгу и так была рада, читая ее, что забыла о всех своих неприятностях. Читала и горько плакала, эти слезы помогли мне найти покой. Увидела я, как много на этом свете людей добрых, милостивых, терпимых.

Господь привел меня к вере через моих деток. Добрая христианская поддержка бабушки помогла мне жить, расти моих ребят. По Промыслу Божьему дети выучились, имеют профессии. Один мой сын — иеромонах, другой псаломщик, читает на клиросе.

Простите меня, отец Михаил, благодарение Господу, что подсказал мне написать Вам. Всей душой желаю Вашей верной, надежной матушке, Вашим близким — всегда радовать Вас! Пасите Ваше стадо во Христе, коль Бог Вас воскресил, как Лазаря. Молитесь обо мне и о детишках моих.

Раба Божия Алла В.

Григорий ТЕЛЬНОВ

МОНАХИНЯ ОЖИЛА НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

*Псковская монахиня Антония видела ад
и была возвращена Богом на землю*

Она увидела свое тело со стороны — лежащим на операционном столе. Вокруг суетились медики. К груди прижали похожий на угюг прибор.

— Разряд! — крикнул профессор Псаходес.

Тело дернулось. Но она не почувствовала боли.

— Разряд!

— Сердце не реагирует!

— Разряд! Еще! Еще!

Врачи пытались «завести» ее сердце почти полчаса. Она увидела, как молодой ассистент положил руку на плечо профессору:

— Борис Исаакович, остановитесь. Пациентка мертва.

Профессор стащил с рук перчатки, снял маску. Она увидела его несчастное лицо — все в капельках пота.

— Как жаль! — сказал Борис Исаакович. — Такая операция, шесть часов трудились...

— Я здесь, доктор! Я живая! — закричала она. Но врачи не слышали ее голоса. Она попыталась схватить Псаходеса за халат, но ткань даже не шевельнулась.

Профессор ушел. А она стояла возле операционного стола и смотрела, как завороженная, на свое тело. Санитарки переложили его на каталку, накрыли простыней.

Она услышала, как они говорят:

- Опять морока: приезжая преставилась, с Якутии...
  - Родня заберет.
  - Да нет у нее никакой родни, только сын-малолетка.
- Она шла рядом с каталкой и кричала:
- Я не умерла! Я не умерла!
- Но никто не слышал ее слов.

Жизнь

Монахиня Антония вспоминает свою смерть с трепетом:

— Господь милостив! Он любит всех нас, даже распоследнего грешника...

Антония постоянно перебирает четки. Ее тонкие пальцы дрожат. Между большим и указательным видна старая татуировка — едва заметная буква «А».

Матушка Антония перехватывает мой взгляд. Я смущаюсь, словно подсмотрел что-то запретное.

— Это память о тюремном прошлом, — говорит монахиня. — Первая буква моего имени. По паспорту я Ангелина. В юности страсть какая бедовая была...

— Расскажите!

Матушка Антония испытующе глядит на меня. Такое ощущение, что она видит меня насквозь. Минута кажется вечностью. Вдруг замолчит, вдруг откажет?..

Наша встреча не была случайной. В Печоры Псковской области, где вблизи знаменитого Свято-Успенского монастыря живет семидесятичетырехлетняя матушка Антония, я приехал, получив весточку от знакомых верующих: «*У нас чудесная монахиня есть. На том свете побывала.*»

Матушка Антония, как оказалось, в недавнем прошлом была строительницей и настоятельницей женского мо-

настыря в Вятских Полянах Кировской области. После третьего инфаркта по слабости здоровья была отправлена на покой. С журналистом «Жизни» согласилась встретиться только после того, как получила рекомендации от духовных лиц.

Мне кажется, что она мою просьбу отсыласт куда-то наверх. И получает ответ. У меня замирает дыхание.

Наконец она произносит:

— Расскажу. Не зная моего прошлого, не понять того, что случилось со мною после смерти. Что уж было — то было...

Матушка Антония совершает крестное знамение. Еле слышно, одними губами, шепчет молитву. Чувствуется, что возвращение в прошлое требует от нее немалых душевных и физических усилий — словно от пловца, которому предстоит нырнуть в бурлящий водоворот.

Детство

— Родилась я в Чистополе. Это маленький городок на Каме, в Татарии. Папа, Василий Рукавишников, ушел на фронт добровольцем. Погиб на Брянщине, в партизанах. Мама, Екатерина, вновь вышла замуж — за старика, он лет на тридцать был старше ее. Я до того возненавидела его, что убежала из дома. Попала в детдом в Казани. Сказала, что сирота. В конце войны обучили меня вместе с подругами на мотористок и отправили на шахту в Свердловскую область. В первый же день мы бунт устроили — из-за приставаний. Мы малолетки, а шахтеры там ушлые. В первый же день облавали... Ну, я и подбила подруг в Москву бежать, к товарищу Ворошилову. Жаловатьсяся. Добирались на подножках вагонов, отчаянные были, смельчаки. Заночевали в парке Горького, в кустах, прижимаясь друг к другу...

Ворошилов

— Утром я, как самая маленькая (на вид мне давали лет двенадцать), пошла в разведку. Выбрала на лавочке дяденьку посолиднее. Подошла, спросила, как Ворошилова найти. Дяденька ответил, что запись на прием ведется в приемной Верховного Совета на Моховой улице. Нашли мы эту приемную. Явились туда всей гурьбой. «Куда?» — спросил нас милиционер у двери. «*К Ворошилову!*» — «Зачем?» — «Это мы только ему скажем». Милиционер отвел нас в какой-то кабинет. За столом толстый начальник сидит. Глянул на нас строго: «*Рассказывайте!*». А я как заору: «Бежим, девчонки! Это не Ворошилов!» Такой шум мы устроили, что все сбежались. И тут вижу, как Ворошилов входит. Я его по фотографиям знала. Увел нас с собой. Велел принести бутербродов, чаю. Выслушал и спросил: «*Учиться хотите?*» — «Да!» — «*Скажите на кого, вам выпишут направление*». Я выбрала геологический техникум в Кемеровской области... А там беда вышла — с ворьем связалась. По глупости и от голодухи. Нравилось мне, как они живут: рисково, красиво. Татуировку сделала, чтобы все видели, что я фартовая. Только погулять долго не получилось: нашу шайку поймали... В тюрьме мне не понравилось..

Сын

— Когда вышла на свободу, дала клятву себе: никогда за решетку не попадать. Вышла замуж, уехала в Якутию — в поселок Нижний Куранах. Работала там в «Якутзолоте». Орден даже заслужила — Трудового Красного Знамени... Сначала все в семье ладно было, сыночка родила, Сашеньку. Потом муж пить начал. И был из-за ревности. Потом бросил. Горевать не стала — так с ним намучилась! А тут еще болезнь навалилась. Сначала значе-

ния не придала, а потом, как уж прижало (несколько раз сознание средь бела дня теряла), к врачам пошла. Обследовали и нашли опухоль в голове. Отправили срочно в Красноярск, в клинику медицинского института. Я плачу: «*Спасите! У меня сынок один, еще школьник — круглым сиротой останется!*» Профессор Псахес взялся прооперировать... Знала, что операция опасная, боялась страшно! Тогда и про Бога вспомнила. Прежде такой атеисткой была, богохульницей, а тут на ум молитва пришла. Вернее, стишок духовный, которому меня однажды в детстве одна женщина обчила. «Сон Богородицы» называется. Про Иисуса, все его страдания. Почти все Евангелие в этих стихах пересказано... Повезли меня на операцию, а я дрожу и «Сон Богородицы» шепчу. Дали наркоз, сверлить череп стали... Я боли не чувствую, но все слышу — как с головой моей взятся. Долго оперировали. Потом, как сквозь сон, услышала, как меня по щекам хлопают. «*Все, — говорят, — просытайся!*» Я очнулась от наркоза, дернулась, хотела встать, подняться, тут сердце и остановилось. А меня словно что-то наружу из тела вытолкнуло — из себя, будто из платья, выскоцила...

Смерть

...Каталку с безжизненным телом отвезли в холодную комнату без окон. Ангелина стояла рядом. Видела, как ее труп переложили на железный топчан. Как стащили с ног бахилы, которые были на ней во время операции. Как привязали kleenчатую бирку. И закрыли дверь.

В комнате стало темно. Ангелина удивилась: она видела!

— Справа от моего тела лежала голая женщина с насухе залитым разрезом на животе, — вспоминает монахиня. — Я поразилась: прежде никогда не знала ее. Но почувствовала, что она мне почти родная. И что я знаю,

от чего она умерла — случился заворот кишок. Мне стало страшно в мертвецкой. Бросилась к двери — и прошла сквозь нее! Вышла на улицу — и остолбенела. Трава, солнце — все исчезло! Бегу вперед, а мне дороги нет. Словно привязана к больнице. Вернулась обратно. Врачей, больных в палатах и коридорах вижу. А они не замечают меня. Глупая мысль в голову пришла: «*Я теперь человек-невидимка!*» Смешно самой стало. Стала хохотать, а меня никто не слышит. Попробовала сквозь стену пройти — получилось! Вернулась в мертвецкую. Опять увидела свое тело. Обняла себя, стала тормошить, плакать. А тело не шевелится. И я зарыдала, как никогда в жизни — ни раньше, ни потом — не рыдала...

Ад

— Вдруг рядом со мной, как из воздуха, появились фигуры. Я их для себя назвала — воины. В одежде, как у святого Георгия Победоносца на иконах. Почему-то я знала, что они пришли за мной. Стала отбиваться. Кричу: «*Не трогайте, фашисты!*» Они властно взяли меня под руки. И внутри меня голос прозвучал: «*Сейчас узнаешь, куда попадешь!*» Меня закружило, во мрак окунуло. И такое нахлынуло — страсть! Боль и тоска невозможная. Я ору, ругаюсь всяко, а мне все больнее. Про эти мучения сказать не могу — слов таких просто нет...

И тут на правое ухо вроде как кто тихонечко шепчет: «*Раба Божия Ангелина, перестань ругаться — тебя меньше мучить станут...*» Я затихла. И за спиной словно крылья почувствовала. Полетела куда-то. Вижу: слабенький огонек впереди. Огонечек тоже летит, и я боюсь отстать от него. И чувствую, что справа от меня, как пчелка малая, тоже кто-то летит. Глянула вниз, а там множество мужчин с серыми лицами. Руки вверх тянут, и я их голоса слышу: «*Помолись за нас!*» А я перед тем, как умереть,

неверующая была. В детстве окрестили, потом в храм не ходила. Выросла в детдоме, тогда нас всех атеистами воспитывали. Только перед операцией про Бога и вспомнила... Той «гичелки» справа не вижу, но чувствую ее. И знаю, что она не злая. Спрашиваю ее про людей: *«Кто это и что это?»* И голосок тот же, ласковый, отвечает: *«Это тартары. Твое место там...»* Я поняла, что это и есть ад.

Рай

— Вдруг я почувствовала себя как на земле. Но все ярче, красивее, цветет, как весной. И аромат чудный, все благоухает. Меня еще поразило: одновременно на деревьях и цветы, и плоды — ведь так не бывает. Увидела стол массивный, резной, а за ним трое мужчин с одинаковыми, очень красивыми лицами, как на иконе *«Троица»*. А вокруг много-много людей. Я стою и не знаю, что делать. Подлетели ко мне те воины, которые в морг приходили, поставили меня на колени. Я наклонилась лицом до самой земли, но воины меня подняли и жестами показали, что так не надо, а нужно, чтобы плечи были прямо, а голову склонить на грудь...

И разговор начался с теми, что за столом сидели. Меня поразило: они знали все обо мне, все мои мысли. Их слова словно сами возникали во мне: *«Бедная душа, что же ты столько грехов набрала!»* А мне было ужасно стыдно: вдруг ясно вспомнился каждый мой плохой поступок, каждая дурная мысль. Даже те, которые я давно забыла. И мне вдруг себя жалко стало. Поняла, что не так жила, но не обвиняла никого — сама свою душу стубила...

Господь

— Внезапно я поняла, как надо называть того, кто в середине сидит, сказала: *«Господи!»* Он отозвался — в

душе сразу такое райское блаженство наступило. Господь спросил: «Хочешь на землю?» — «Да, Господи!» — «А посмотри вокруг, как здесь хорошо!» Он руки вверх вздел. Я посмотрела вокруг — и ну всё как засияло, так было необычайно красиво! А внутри меня вдруг случилось то, чего я не испытывала никогда: в сердце вошла бесконечная любовь, радость, счастье — все разом. И я сказала: «Прости, Господи, я недостойна!» И тут пришла мысль о сыне, и я сказала: «Господи, у меня сын есть, Сашенька, он без меня пропадет! Сама сирота, от тюрьмы не убереглась. Хочу, чтобы он не пропал!» Господь отвечает: «Ты вернешься, но исправь свою жизнь!» — «Но я не знаю как!» — «Узнаешь. На твоем пути попадутся люди; они подскажут! Молись!» — «Но как?» — «Сердцем и мыслью!».

Будущее

— И тут мне будущее открыли: «Выйдешь вновь замуж». — «Кто же меня возьмет такую?» — «Он сам тебя найдет». — «Да не нужен мне муж, я с прежним пьяницей на всю жизнь намучилась!» — «Новый будет добрый человек, но тоже не без греха. С Севера не уезжай, пока сына в армию не проводишь. Потом встретишь его, женишь. А затем суждено тебе брата найти». — «Неужто он жив? Я с войны о Николае вестей не имею!» — «Инвалид он, на коляске ездит. Найдешь его в Татарии и сама туда с мужем переешь. Ты брату будешь очень нужна, будешь ухаживать за ним и сама похоронишь его». — «А с сыном все хорошо будет?» — «За него не беспокойся. Он, как станет взрослым, от тебя откажется. Но ты не унывай. Помни Господа и расскажи людям о том, что видела здесь! И помни — ты обещала исправить свою жизнь!».

Возвращение

— Очнулась я уже в своем теле. Почувствовала, что мне очень холодно: я замерзла сильно. Взмолилась: «*Мне холодно!*» И голос слышу в правом ухе: «*Потерпи, сейчас за тобой придут!*» И точно: открывается дверь, входят две женщины с тележкой — хотели анатомировать меня везти. Подошли ко мне, а я простыню сбросила. Они — в крик и бежать! Профессор Псахес, который меня оперировал, с медиками прибегает. Говорит: «*Не должно быть, что жива*». Светит какой-то лампочкой в зрачок. А я все вижу, чувствую, а окоченела так, что сказать ничего не могу, только мигнула глазами. Меня привезли в палату, обложили грелками, закутали в одеяла. Когда согрелась, рассказала о том, что случилось со мной. Борис Исаакович Псахес внимательно выслушал. Сказал, что после моей смерти прошло три дня.

— Еще в больнице, — рассказывает матушка Антония, — я написала о том, что со мной произошло, в журнал «Наука и религия». Не знаю, напечатали ли. Профессор Псахес назвал мой случай уникальным. Через три месяца выписали.

Отчаяние

— Уехала я обратно в Якутию, — рассказывает матушка Антония. — Опять в «Якутзолото» устроилась, я там на хорошем счету была. Работаю, сына ращу. В церковь ходить стала, молиться. Все случилось так, как мне на том свете предсказано было. Замуж вышла, потом сына женила. И старшего брата Николая, с войны потерянного, нашла — в Татарии. Он одинокий был, инвалид на коляске, уже сильно больной. Мы переехали в Нижнекамск, поближе к брату. Квартиру нам с мужем там дали, как северянам. Я к тому времени уже на пенсии была. Уха-

живала за братом до самой его смерти. Похоронила, оплакала...

А потом и сама заболела. В боку закололо, во рту кисло стало. Терпела долго. По сравнению с адскими муками все земные болячки — как укол булавкой. Уговорили меня сын с мужем в больницу пойти. Из поликлиники отправили на обследование в Казань. А там напали рак нечени. Сказали, что с операцией опоздала, что метастазы пошли. И такая тоска на меня напала — не передать. Грешная мысль пришла: «*Кому я нужна такая, всем обуз!*»

Пошла на мост — топиться. А перед тем как в воду броситься, с небом решила попрощаться. Подняла глаза — и увидела кресты и купола. Храм. Думаю: помолюсь в последний раз перед тем, как утонуться. Пришла в собор. Стою перед иконой Богородицы и плачу. Тут женщина, что в храме убиралась, заметила мои слезы, подошла, спросила, что со мной случилось. Рассказала про рак, про то, что муж начал пить, что никому я не нужна, что у сына своя семья и я ему обуза. Что хотела руки на себя наложить. А женщина мне и говорит: «*Тебе надо сейчас же ехать в Набережные Челны. Туда приехал чудесный батюшка, архимандрит Кирилл из Риги. Он все на свете лечит!*»

Архимандрит

Матушка Антония показывает фотокарточку священника, что висит у нее в келье. На снимке — благообразный, осанистый батюшка с двумя крестами на облачении.

— Это мой духовный отец, — ласково говорит монахиня. — Архимандрит Кирилл (Бородин). Чудотворец и праведник. При советской власти в тюрьме за веру страдал. Он сам врач по образованию, многих людей исцелил. В 1998 году отошел ко Господу. Мне отец Кирилл не только жизнь спас — душу вымолил. Приехала я тогда в Набережные Челны по указанному мне в церкви адресу, даже

домой в Нижнекамск заезжать не стала. Очередь стоит в квартиру, в которой отец Кирилл принимает, длинноющая. Думаю, всю ночь стоять придется. Тут дверь распахивается, выходит священник и меня рукой манит: «*Матушка, иди сюда!*» Завел к себе. Ладонь на голову положил: «*Ах, какая ты болящая!*» И вдруг в меня радость вошла — как тогда, на том свете перед Господом... Хотела отцу Кириллу о себе рассказать, про то, что на том свете пережила, но он меня остановил: «*Я все про тебя знаю*».

Монастырь

— Тут батюшка мне и говорит: «*Езжай в Елабугу, там монастырь налаживается. Скажешь матушке Евгении, что я прислал*», — рассказывает матушка Антония. — Я замялась: «Что вы, батюшка! Муж и сын у меня». Тут отец Кирилл странные слова произнес: «*Нет никого у тебя!*» Я ропщу: «*Ночь уже!*» А он, строго так: «*Благословляю идти!*»

Куда денешься? Пошла на автовокзал. Автобусы рейсовые все уже ушли. Вдруг мужичок какой-то тормозит: «*Кто на Елабугу?*» До самого монастыря довез. Там уже ждали. Стала жить при монастыре и молиться. А силы таяли. Уж и есть мало что могла: печень совсем отказывала...

И вот сон мне однажды снится. Вижу четверых мужчин, одетых в белое. Они вокруг меня. Я лежу, а один из них говорит: «*Тебе сейчас больно будет. Потерпи, не бойся, рак пройдет*». Утром проснулась, а печень не болит. Аппетит появился — на еду накинулась. Ем все, от чего раньше отказывалась, — булку, суп. И хоть бы раз в боку кольнуло!

Тут отец Кирилл приехал. Рассказала ему про странный сон. Спрашиваю: «*Кто меня во сне исцелил?*» А батюшка отвечает: «*Неужели ты не догадалась? Это тебе Божия милость!*»

Сын

— Благословил меня отец Кирилл домой в Гижекамск съездить — венцы забрать и документы оформить, — рассказывает матушка Антония. — Приехала, а сын и муж меня потеряли. Думали, померла уже. Мужу объяснила, что развод нужен, что в монастырь хочу, душа просится Богу служить. Он смирился. А сын — ни в какую: «*Не пущу!*» Посадил на цепь собачью. Три дня держал, даже в туалет водил на ней. Я молилась, чтобы Господь сына вразумил. Отпустил все же Саша меня в монастырь. Но в спину крикнул: «*Теперь ты мне не мать...*» Вспомнила я тогда, что Господь мне на том свете говорил: «*Сын от тебя откажется*».

Постригли меня в монахини с именем Антония. В переводе с греческого это означает «приобретение взамен». В монастыре я поменяла свою жизнь, как тогда Господу обещала. Потом меня благословили в Вятских Полянах новый монастырь строить, настоятельницей поставили. Служила там. А после инфаркта на покой попросилась. Приехала в Псков, потом в Печоры перебралась. Здесь, возле святых мест, и молиться, и дышать легче...

Дар

Про матушку Антонию в Печорах говорят с любовью. Рассказывают, что кроме великого дара утешать людей есть у нее способность видеть их сущность духовными очами.

— Было время, когда действительно видела, — рассказывает матушка Антония. — Потом упросила Господа лишить меня этого дара. Тяжело это.

— Мне говорили, что вы видели чудо в храме: Таинство превращения хлеба и вина в Плоть и Кровь Христову.

— Это было на Пасху, когда Царские врата, закрывающие вход в алтарь, распахнуты. Стою я возле Царских врат,

жду причастия. Думаю: как же хлеб станет Христовой Плотью? И тут на алтаре как солнце засияло. Вижу — вместо просфоры младенчик лежит. Красивый такой, весь светится. А священники сго копьем в груды! Закричала на весь храм: «*Не трогайте младенчика!*» Люди на меня смотрят, не поймут, в чем дело. А я вижу: Чаша золотая, для причастия, делается прозрачной, словно стеклянная. И сама собой наполняется Кровью. После службы со страхом рассказала обо всем своему духовному отцу. Он меня успокоил: «*Господь тебе чудо показал, радуйся!*» Вот и живу в радости. Хочу сказать всем: смерти нет, есть жизнь вечная. Надо только любить друг друга и быть верными Господу.

— А будущее предсказываете?

— Нет. Одно знаю: Россию тяжкие испытания ждут. Но если мы станем добрее, Господь нас простит...

*www.blagoslovenie.ru (по материалам газеты
«Жизнь» №233–235, 2003 г.)*

«Я ВИДЕЛ НЕБЕСА...»

Эта история обошла страницы многих христианских изданий. Но славы Божией много не бывает. А именно о ней идет речь в истории Бориса Пилипчука из Хмельницкой области. Милостивое исцеление, и тем более воскресение из мертвых — это поистине ценные дары человеку от любящего Бога...

Борис Пилипчук, старший лейтенант милиции, работал оперативным дежурным одного из райотделов милиции Хмельницкой области. Прошел афганскую войну. Сейчас ему тридцать восемь лет, женат, имеет троих детей. Проживает в Старосинявском районе Хмельницкой области, в селе Новая Синявка.

Внезапная смерть такого здоровьяка, офицера милиции, взволновала многих и была событием «номер один». Об этом свидетельствовали частые звонки в больницу от многих сослуживцев и верующих, молившихся во многих церквях Украины. Врачами была зафиксирована смерть в результате кровоизлияния, поразившего около 95% поверхности головного мозга. О смерти Бориса было тут же сообщено супруге, в молитве ожидавшей исхода борьбы за жизнь.

После установления у Бориса клинической смерти врачи боролись минут тридцать за его жизнь, а после установления биологической смерти прошло еще не менее двух часов, в течение которых он находился в отделении реанимации. Значит, необратимые процессы и гибель мозговой ткани давно уже наступили, т. к. времени на оживление после клинической смерти отводится всего лишь четыре–шесть минут. В данном случае человек «мертвее» быть уже не может. Смерть Бориса была установлена врачами и подтверждена приборами, которые были подключены к его телу...

Ангелы пели...

Борис лежал под белой простыней. Вернее, лежало только его тело. А сам Борис ощущал себя вне его. Вот как он рассказал об этом потом:

— Я не знаю, как передать это видение словами, но мне хочется, чтобы вы представили себе ту картину, которую показал мне Господь. После внутреннего толчка в теле я почувствовал себя в сознании и стал видеть все как бы сверху. Это моя душа вышла и смотрела на тело. К нему было подключено множество приборов. Рядом суетились медики, пытаясь вернуть меня к жизни. Я стал удаляться куда-то ввысь. Быстро-быстро. Почувствовал свист в ушах. Земля исчезла.

Я попал в необычайное место, которое было очень светлым. Мне стало очень хорошо. Увидел широкую золотую лестницу, сияющую в лучах. По обе стороны этой лестницы были золотые перила, вдоль которых на ступенях стояли крылатые Ангелы в белых льняных одеждах с золотыми поясами. Волосы у них были белые, лица человеческие, но светящиеся, как молнии, глаза, как два светильника. Ноги и руки блестели как медные. Вокруг лестницы и под ней стояло такое множество Ангелов без крыльев, что я просто не могу передать их числа. Все Ангелы пели псалом. Я не знаю, на каком языке они пели, но полностью понимал значение каждого слова. Они славили Бога.

В конце этой лестницы я увидел необычайный свет. Он был яркий, но мягкий, от него исходили тепло, спокойствие, радость и мир... От огромного числа Ангелов отделились двое и стали позади меня по левую и по правую руку. Я не поворачивал головы, не озирался, но у меня было такое ощущение, что я все вижу на 360 градусов вокруг себя.

Город

— Я ни у кого не спрашивал, где я, что со мной, что будет дальше. Чувствовал полную уверенность в себе. Я переместился на большую поляну, по которой бегали очень красивые белые кони. Посреди поляны стоял огромный город в виде куба. Увидев его, я стал к нему приближаться. Перемещаясь в пространстве, я не дотрагивался ногами до земли — это было как бы скольжение, и по мере приближения к городу мой восторг от увиденного становился все больше. Высокие стены состояли из разноцветных слоев, которые сверкали и переливались в сиянии света. Я видел основание города, устроенное из двенадцати драгоценных камней этого мира, видел жемчужные ворота, по трое в каждой стене. Жемчуга ворот

были очень большие. Я не измерял их, но одна жемчужина была больше двух метров, как я оценил.

Когда я проходил через одни ворота внутрь города, то увидел две надписи: одну — над воротами, а вторую — под ними. Над воротами было написано одно из имен колен Израилевых, а под ними — имя апостола. Я вошел в город и замер от восхищения: он был полностью золотым. Улицы, дома, двери — все из прозрачного, как стекло, золота. Оно было очень чистым — прежде никогда не видел такого блеска. Раньше я видел, как блестят новые золотые изделия в ювелирных магазинах, но это ничто по сравнению с тем, что я увидел в тот момент. Об этом я читал в Библии, но никогда не мог себе представить, что твердый металл может быть таким прозрачным и чистым. А теперь я все это увидел и захотел потрогать.

Я не спрашивал у Ангелов, куда мне дальше идти, я как бы знал, куда иду. Было полное ощущение того, что нахожусь у себя дома. Когда я пошел по городу дальше, ближе к центру, то в одном месте увидел большое дерево. На нем висели плоды грушевидной формы размером с литровую банку. Листья напоминали липовые, но были большими, как лист лопуха. Я подошел к дереву, и мне захотелось сорвать один из плодов. Я протянул руку и восторженно изумился: рука была прозрачной. Я был готов сорвать плод, но Ангел, который стоял немного позади, преградил мне доступ к плодам. Жестом он показал, что рвать не надо. Для меня было удивительно, что я без всякого сожаления или огорчения отошел от дерева.

Бог

— Когда я приблизился к самому центру города, то увидел необычайно ясный поток света. Он был настолько приятным, что мой восторг продолжал возрастать,

достигнув высшей точки. Мне трудно передать словами это необыкновенное состояние души.

В тот момент, когда я увидел центр этого излучения, я опустил голову и почувствовал непреодолимое желание опуститься на колени. Но Ангелы поддержали меня, и я услышал голос: «*Сын мой, того, что Я показал, для тебя пока достаточно. Ты должен сейчас вернуться назад, чтобы передать то, что ты увидел и услышал.*» Я понял, что со мной говорит Господь, и стал умолять Его: «*Господи, я не хочу обратно!*» На что Господь мне ответил: «*У тебя есть жена и трое детей. Ты должен вернуться к ним, потому что тебе еще не время быть здесь.*»

Ужас медиков

— Во мгновение ока я переместился в пространстве на такое расстояние, что увидел землю, больницу. Приблизившись, наблюдал следующую картину: на носилках, установленных на каталке, медицинские работники везли тело. Когда я увидел свою заплаканную жену, которая шла рядом, то понял, что это везут меня. Один медработник успокаивал ее, уговаривая, чтобы она не убивалась так, и старался не допустить ее в комнату за железными дверями, куда завезли тело. Когда я увидел все это, то почувствовал толчок и резко опустился в свое тело. Тут же я ощутил огромную силу, которая выбила двери. Двустворчатые двери ударом сорвало с петель, и они плашмя упали на пол, а каталку с телом выкатило из помещения мorgа.

После этого верхняя часть моего тела приподнялась, простыня спала. Санитар, сползая вниз по стене, упал, медсестра тоже. Оба лежали в полуобморочном состоянии. Пришла еще одна медсестра и, увидев меня сидящего, упала в обморок. Та же сверхъестественная сила поставила каталку в вертикальное положение, и я оказался

стоящим ногами на земле. Каталка упала и закатилась обратно в морг. Я хотел идти, но не мог. Было такое ощущение, что я не в своем теле, оно мне не повиновалось. Тогда я стал молиться, потому что мысли у меня были ясные.

Я все видел, все осознавал, все слышал, но голоса были какими-то чужими, протяжными. Такое ощущение, будто магнитофонную пленку прокручивали на замедленной скорости. Я стал взывать к Господу и просить, чтобы Он дал мне силу идти. Когда я закончил молиться, то почувствовал мощный прилив энергии. У меня было такое ощущение, будто волосы отделились от головы и тысячи иголок коснулись моего лба. Я получил такой прилив сил, что мне показалось, будто мои ноги по ступни волнили в пол. Я почувствовал тепло и огромную силу с головы до ног и пошел в направлении ординаторской, в которой седали врачи.

По пути моего следования медработники разбегались с криками, кто падал, кто закрывался в палатах. Жена догнала меня у ординаторской и накинула на меня простыню. Я подошел и легким прикосновением руки открыл дверь ординаторской комнаты. Позднее я узнал, что комнату врачи закрыли на ключ, пододвинули шкаф и забаррикадировались изнутри. Но дверь поддалась мне легко. Когда я зашел в ординаторскую, то некоторые медработники упали в обморок, а другие в страхе сбились в дальнем углу и кричали: «*Кто ты? Что тебе от нас нужно? Отпусти нас!*» Я успокоил их: «*Не бойтесь, дайте мне только одежду*». Видя на их лицах страх, я понял, что не следует объяснять свое воскресение этим перепуганным докторам. Что бы я им ни сказал, они бы все равно не услышали. Я повторил: «*Отдайте мне одежду, и я пойду домой*». Врачи позволили мне быстро оттуда уйти, так как испытывали ужас от моего присутствия. Я оделся...

Свидетельство

Борис вернулся в свою палату и приказал жене:

— Звони в райотдел. Пусть срочно пришлют машину.

Мы едем домой...

Галина позвонила. Путаясь в словах, попросила прислать машину и одежду.

На том конце провода сказали:

— Высылаем. Ждите!

Прислали две. Одну легковую — за ней. Вторую, грузовую, — за Борисом. Вернее, за его телом.

Пилипчук удивился, увидев милицейскую форму. Водитель «Волги» поразился еще больше, увидев Бориса.

— Так ты живой? — покрылся потом шофер. — А меня послали за трупом. Приказали, чтоб в форме в гроб положили. Как офицера и ветерана Афганистана...

Борис сел в легковушку рядом с женой. Всю дорогу молчали. По пути их увидел знакомый гаишник. Побледнел, затем сел в свою машину и дождал еще раз. Потом сержант дорожной службы подъехал к райотделу, подошел к начальнику. Достал из кобуры пистолет:

— Все! Больше не могу! Крыша поехала от жары. Покойный старший лейтенант Пилипчука дважды живым привиделся...

Подполковник Василий Олейник вместе с двумя замами сел в машину. К дому Пилипчука домчались мигом и увидели, что гаишнику не привиделось. Пилипчук стоял живой и здоровый:

— Василь Васильич, хлопцы, проходите в хату!

Майор Юрий Загорский, друг Пилипчука, пришел в себя первым:

— Борька, а мы тебе уже на венки и гроб собирали...

На следующий день Пилипчук вышел на службу. Начальник встретил его сдержанно:

— Я не могу допустить тебя к службе, так как после инсульта тебе, по меньшей мере, следовало бы получить

первую группу инвалидности. Ты, Борис, езжай в госпиталь УВД. Пройди комиссию, пусть дадут заключение о здоровье.

По комиссиям Пилипчука футболили два с половиной месяца. Врачи хотели доказать, что должны быть какие-то последствия того, что произошло. Доктора поразились: от инсульта не осталось и следа. Исчезли камни в почках. Осколок в ноге тоже исчез! Пилипчука признали годным к службе в органах МВД. Он вернулся в райотдел, стал работать оперативным дежурным. Потом вдруг, не дослужив нескольких месяцев до пенсии, уволился.

Сослуживцам свое решение объяснил так:

— После того, что я пережил, все земное не имеет значения. Я должен рассказать людям о величии Бога.

В интервью газетам говорил:

— Врачи просили меня, чтобы я никому не рассказывал о своем воскресении. Но Господь вернул меня на землю, чтобы я рассказал об этом людям. Я утверждаю, что Бог — это реальная Личность и Небеса действительно существуют. Некоторые врачи, которые были свидетелями того, что произошло со мной в больнице, покаялись.

На территории больницы построят церковь

Василий Михайлович ЛЕВИЦКИЙ, зав. отделением нейрохирургии Хмельницкой областной больницы:

— Борис Пилипчук был моим пациентом. Его доставили из районной больницы в тяжелом состоянии с нарушением мозгового кровообращения. Мы сделали все, что могли... Относительно смерти Пилипчука в физическом смысле предпочтут высказаться осторожно, дабы не навлечь гнев коллег. У медицины есть твердый научный принцип: если пациент не умер, значит, он оставался жив.

Когда человек перестает подавать признаки жизни, всегда пытаемся его реанимировать. Это продолжается

столько, сколько нужно. Время не регламентировано — десять, двадцать минут и больше. Пока здравый смысл подсказывает, что есть шанс оживить. Но и после того, как все процедуры прекращены и тело накрыто простыней, мы сразу не отвозим труп в покойницкую. Есть исторически сложившееся правило, которое соблюдается неукоснительно в каждой больнице: умершего человека не сразу отвозят в морг. Тело лежит в палате два часа и больше. Ночью — до утра. Пилипчука отвезти в морг не успели. Он был в перевязочной, там у нас двусторончатые железные двери.

После случившегося я с ним больше не встречался, дальнейшее обследование Пилипчук проходил в госпитале МВД. Если коллеги признали его годным к службе, значит, он здоров.

Главный врач Хмельницкой областной больницы Анатолий Константинович ПИНЧУК:

— Случай с Борисом Пилипчуком действительно уникальный. Но он произошел не при мне: я руковожу больницей недавно, прежде возглавлял Управление здравоохранения области. Поэтому прокомментирую, не вдаваясь в детали.

В нашей больнице 759 коек. Большинство пациентов — с весьма сложными случаями, ведь у нас лечебное учреждение третьего уровня, к нам со всей области отправляют тяжелых. Всегда есть несколько пациентов в коме. Прогнозировать благополучный исход у коматозных очень сложно. Здесь многое зависит не только от нас, медиков, но и от индивидуальных особенностей организма, от Бога, если хотите.

Недаром древние говорили, что руками медиков врачует Бог. После случая с Борисом Пилипчуком мы решили построить на территории нашей больницы православную церковь. Священник уже есть — отец Леонид.

Готов проект, к лету начнем стройку. Хотим освятить храм в честь Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского.

Перемены

Друзья не узнавали Бориса. Он бросил курить, пить. От прежнего крутого супермена-разведчика осталось разве что накачанное тело. Борис стал мягким, добрым ко всем и ко всему, что вокруг. Жена Галя привыкала к новому Борису долго. Седая от переживаний, вечером она забивалась в угол кровати и боялась прикоснуться к мужу.

— Конечно, я была рада, что он живой, — призналась она нам позже. — Но все равно было страшно. Ходила как чумная. Дошло до того, что с сахарницей зашла в хлев и высыпала песок в пойло. А по ночам было просто ужасно. Лежу и думаю, что рядом — оживший покойник...

Однажды утром Борис сказал жене:

— Я расскажу тебе первой, что я видел после смерти.

Галина замерла. И тогда Борис рассказал ей все. Она улыбнулась:

— Вот ты не хотел возвращаться ко мне и детям. А говорил, что любишь...

— Ты не понимаешь. Придет момент, и ты испытаешь то же самое у престола Господня. Смерти нет, есть переход из земной жизни в вечность...

И он ответил ей на те вопросы, которые были у нее в душе всегда, но она не задавала их никому. Потом сказал, что их сын Анатолий, страдавший с детства болезнью ног, поправится и что у них будет еще один ребенок. Сынок, благословение Господа.

Игорек родился в точно назначенный срок — 12 января 2002 года.

Крутой мужик вдруг заговорил о Всеизыншем

Майор Дмитрий Григорьевич КРУГЛЮН, зам. начальника Старосинявского райотдела МВД Украины:

— Бориса Пилипчука знаю давно. Он был хорошим сотрудником, у него просто дар к оперативной работе. Физически крепкий, юридически грамотный, бесстрашный. Когда с ним случился инсульт, мы сильно переживали. Сбросились на лекарства. А когда сказали, что он умер, то весь райотдел просто в шоке был. Молодой, здоровый мужик — и за три дня скрутило. А потом он приехал — живой! После медкомиссии вышел на службу, вроде все нормально было. Про Бога, конечно, рассказал. Мы удивлялись, но мало ли чего на свете не бывает. Странно было только от Бориса такие речи слышать. Крутой мужик, мент до мозга костей — и про Божии заповеди. Райотдел ведь у нас, а не монастырь.

Василий Васильевич ОЛЕЙНИК, подполковник, начальник Старосинявского райотдела МВД Украины:

— Бориса Пилипчука могу охарактеризовать только положительно. Единственный недостаток — вспыльчивый характер, но он с ним справлялся. То, что не умер, для всего коллектива радость. Мы ведь сроднились друг с другом, милицейская служба сплачивает. А то ведь уж на похороны собирали. Сначала много говорили про этот случай. Потом подзабыли. Служба, текучка, хлопот много, некогда о душе думать. Не до чудес.

Про воскресшего милиционера американцы сняли фильм

После сенсационных публикаций о милиционере, который воскрес из мертвых, на село Новая Синявка Старосинявского района Хмельницкой области, где живет

Борис Пилипчук, обрушился шквал звонков — не только из России, но и из США. Приезжали американские телевизионщики, сняли про Бориса документальный фильм и уже успели показать в США.

Галина Пилипчук рассказала, что в их семье произошло второе чудо:

— Толик — ему одиннадцать — мое второе чудо. У него ведь был детский церебральный паралич, он ножками с рождения маялся. А после случившегося с отцом и он выздоровел! Ножки выпрямились, сейчас даже не хромает...

— **А как Борис относится к славе?**

— Говорят, что это не его слава, а Господа. Он скромный. Из милиции уволился, работает начальником охраны на сахарном заводе.

— **Есть скептики, которые не верят, что Борис был мертвым. Говорят, мол, врачи ошиблись.**

— Медики сразу предупредили, чтобы мы не рассказывали никому: мол, все равно не поверят. Если бы я сама, своими глазами не видела этого чуда, может, тоже бы сомневалась. Но ведь и в то, что Христос воскрес, многие до сих пор не верят...

*По материалам Григория ТЕЛЬНОВА
в газете «Жизнь» (г. Москва) — №72–73, 2002.*

и Любовь ВАСИЛЕНКО

*«Господь воскресил меня из мертвых»
в газете «Слово Веры» (г. Киев) — № 3, 2000.*

Список литературы

- Игнатий Брянчанинов, епископ.* Аскетические опыты. Сочинения. Т. 3. СПб., изд. Тузова, 1886.
- Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический.* О существах высших человека, или о духах. М., «Казак», 1996.
- Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-Францисский.* Сочинения.
- Кирилл Александрийский, святитель.* О Втором Пришествии и Страшном Суде. Киев, Информационно-издательский центр УПЦ, 1998.
- Настольная книга для монашествующих и мирян / Сост. архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1998.
- Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа, СПб., синодальная типография, 1892.
- Нормант Винсент Пил.* Сила позитивного мышления. Нью-Йорк, 1953.
- О непосредственном откровении по учению Слова Божия. Религиозно-философская библиотека. Выпуск 29-й. Изд. Братства святителя Алексия, 1995.
- Преп. Иоанн Кассиан Римлянин.* Творения. М., 1891.
- Савва, схигумен.* Плоды истинного покаяния. М., 1995.
- Серафим (Роуз), иеромонах.* Душа после смерти. М., 1992.

- Сергей Нилус.* На берегу Божией реки. М., изд. Сретенского монастыря, 1999.
- Симфония на Ветхий и Новый Завет. СПб., типография А. П. Лопухина, 1900.
- Старец Паисий Святогорец.* Письма / Пер. Спасо-Преображенского Мгарского монастыря. Полтавская епархия, 2001.
- Страшный Суд Божий. Видение Григория, ученика Святого и Богоносного отца нашего Василия Нового Цареградского. Афон, 1995.
- Тайны загробного мира / Сост. архимандрит Пантелеimon. 1998.
- Толковая Библия. СПб., 1904–1907.
- Феофан Затворник, епископ.* Толкование на 2-е Послание святого апостола Павла. М., 1894.
- Черты деятельного благочестия, по учению Святых Отцов Православной Церкви. «Галактика», 1996.

Те, кто имеет желание высказать свое мнение о книге, привести свидетельства людей, испытавших клиническую смерть, могут обращаться к автору книги по адресу:

**97652, Украина, Автономная республика Крым,
с. Тополевка, Белогорский район,
Топловский Свято-Параскевиевский монастырь,
Протоиерею Михаилу Овчинникову.**

СОДЕРЖАНИЕ

«Помни до конца дней своих...»	3
«Эта болезнь... ко славе божией...»	7
«КРЕСТ ТВОЙ ТЯЖЕЛ, НО НЕСТИ ЕГО НУЖНО...»	12
Найти себя.....	12
Что привело меня в храм Господень?	13
«Утверждение истины»	15
«К врагом любовь свою показывали...»	16
Осознание силы молитвы	17
Крепись, иерей Михаил!	18
Только с верой утихнут страсти	20
Испытания только начинаются	22
Радуга над крестным ходом	24
Интоксикация атеизма	24
Бушует беззаконие	25
Бессилие дел богооборческих	26
«Упасть — дело человеческое, а остаться лежать — диавольское»	27

«Как же можно было лишать нас такого счастья?»	29
Противостояние	30
СТРАДАНИЯ И БОЛЬ	33
Удар	33
Батюнка будет жить долго	34
Не жилец?..	36
ЧУДЕСНЫЕ ФАКТЫ В МОМЕНТЫ ГИБЕЛИ ОРГАНИЗМА	40
Первая встреча с миром иным	40
Реальные встречи в мире тонком, бесплотном	44
Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!	48
Возвращение души в покинутое тело	50
О семи горячностях духа	52
ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ	54
Двёрь в неземную реальность	54
Вера явила чудо	57
«Ваш батюшка был на волосок от смерти...»	59
Пусть будет все, как Господу угодно....	60
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ	81
Неугасимая ламиада — Топловский монастырь	81
«Радость моя, матушка!..»	85
«ЖИВИТЕ, КАК БЫ ЕЖЕДНЕВНО УМИРЛЯ»....	91

«Мы, живые, учимся жизни у наших дорогих умерших...»	91
Выше нашего уровня восприятия	94
На фоне постоянной молитвы	96
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ	100
«Но придет к тебе благодать Божия и поборет по тебе Господь...»	100
Монастырская жизнь перестраивает душу	102
Не прошла злая сила	105
Радость с назиданием	108
Ангелы в купели	109
ПРИЛОЖЕНИЯ	111
ТАЙНА МИРА ИНОГО	113
Внутренняя сила духа	114
Душой побывал у небожителей	114
Научиться любви к Богу	115
Школа для матушек	116
С криком души обращаюсь к Вам	117
По ту сторону жизни	117
Чудо наших дней	118
Душа слышит молитвы оставшихся на земле ...	118
Не мыслю жизни вне монастырских стен	119
Росточки к жизни вечной	120
Помолитесь за нас, грешных	120
Живительная поддержка	121
Нужен ваш совет	122
Не оставьте меня в своих молитвах	123
Прощение надо заслужить	123

Поразила Ваша вера	124
Первые духовные шаги начались с прочтения книги	125
Я хотел бы больше узнать о Православии	125
Трудная это работа — быть христианином	126
Душа моя как бы заново родилась	127
Изболелось сердце за великий грех	127
Пасите ваше стадо во Христе, коль Бог вас воскресил, как Лазаря	128
 МОНАХИНЯ ОЖИЛА	
НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ	129
Жизнь	130
Детство	131
Ворошилов	132
Сын	132
Смерть	133
Ад	134
Рай	135
Господь	135
Будущее	136
Возвращение	137
Отчаяние	137
Архимандрит	138
Монастырь	139
Сын	140
Дар	140
 «Я ВИДЕЛ НЕБЕСА...»	
Ангелы пели...	141
Город	142
Бог	143
	144

Ужас медиков	145
Свидетельство	147
На территории больницы построят церковь ...	148
Шеремены	150
Крутой мужик вдруг заговорил о Всевышнем	151
Про воскресшего милиционера американцы сняли фильм	151
Список литературы	153

Протоиерей Михаил ОВЧИННИКОВ

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Свидетельства с порога вечности

Редактор

Алла Добросоцких

Корректоры

Анна Ключикова

Ольга Севостьянова

Верстка

Гульнара Шафигуллина

Подписано в печать 11.08.2006. Формат 84x108¹/32.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Печ. л. 5. Усл. п. л. 8,4. Тираж 8000 экз. Заказ 64221

Издательство «Паломник»

Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская, 21.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ОАО «Молодая гвардия»

Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская, 21.